

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА КАЗНЬ

ЗЛОДЕЙКИ

МАЙРАНА МИСТЕРУ

Майарана Мистеру

**Добро пожаловать
на казнь злодейки**

«Литнет»

2024

Мистеру М.

Добро пожаловать на казнь злодейки / М. Мистеру — «Литнет»,
2024

Я умерла в своем мире от рук грабителя. А очнулась... в теле другой женщины. Теперь я – Ригида, жена начальника имперской службы исполнения наказаний. Вот только мой «муж» ведет меня на костер, и в его глазах всепоглощающая ненависть. Не знаю, что натворила настоящая Ригида, но ясно одно – этот пугающий мужчина жаждет ее смерти.♥#ЭКСКЛЮЗИВ, ОДНОТОМНИК, ХЭ♥#Спасибо всем, кто ставит «НРАВИТСЯ» и оставляет комментарии - Тем, кто дарит наградки +1 в карму - Тем, кто дарит наградки со ☆ +10

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	11
5	14
6	16
7	18
8	20
9	22
10	24
11	26
12	28
13	30
14	32
15	34
16	36
17	37
18	39
19	41
20	43
21	45
22	47
23	49
24	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

1

Все авторские права на книгу защищены Законом Российской Федерации от 09.07.2023г N 5351-1(ред. от 20.07.2004) «Об авторском праве и смежных правах». Любое использование авторского контента, включая отдельные фрагменты на иных ресурсах без согласия автора, запрещено.

Темнота.

Такая густая и вязкая, что, кажется, ее можно потрогать руками. Моргаю раз, другой – бесполезно. Глаза отказываются различать хоть что-то в этом чернильном мраке.

В голове туман, мысли путаются, а к горлу подкатывает противная тошнота. Пытаюсь найти хоть какую-то опору, но мои руки рассекают только холодный, затхлый воздух. Такой спертый, будто его не тревожили уже много лет.

Тишина давит на уши, звенящая, почти осязаемая. От этого безмолвия начинает казаться, что я оглохла. Сердце колотится где-то в горле, и его стук отдается в висках.

Делаю судорожный выдох – звук получается слишком громким, неуместным в этой мертвой тишине.

Чувствую странную боль в области шеи, тру ее холодными руками, но ничего не нащупываю.

Решаюсь сделать шаг вперед. Под ногами что-то хрустит – похоже на влажную землю, перемешанную с мелкими камешками. Озноб пробегает по телу от этого звука.

Внезапный щелчок разрывает тишину, словно выстрел. Я резко оборачиваюсь, чувствуя, как волосы на затылке встают дыбом. Бесполезно – тьма все так же непроглядна.

– Ты будешь говорить? – низкий мужской голос звучит неожиданно близко.

– Что? – мой голос дрожит, выдавая панику. – Кто вы? Где я?

Молчание в ответ кажется еще более гнетущим. Слышу медленные, тяжелые шаги – он приближается. Каждый звук отдается эхом в пустоте, заставляя меня съеживаться от страха. По коже бегут мурашки, а в груди становится тесно от подступающего ужаса.

– Тебе осталось жить не больше часа, Ригида, – голос звучит глухо, словно сквозь толщу воды. – Советую рассказать все.

Паника накрывает меня удушливой волной. Пытаюсь собрать разбегающиеся мысли, восстановить события. Последнее, что помню – возвращалась домой с работы. Поздний вечер, пустынная улица, фонари отбрасывают жуткие тени. Темный переулок... Грубый голос, требующий кошелек... А потом – острая, обжигающая боль под ребрами.

Помню, как нащупала рукоятку ножа, торчащую из тела, черная кровь на пальцах, видела спину убегающего грабителя, расплывающуюся в темноте...

Внутри все холодеет от внезапного осознания – от такого ранения в печень не выживают. Совсем.

– Кто вы? – голос срывается на шепот. – Что происходит?

Страх сковывает тело, а в голове бьется единственная мысль – я что, умерла?

Внезапно жесткие пальцы впиваются в мой подбородок, резко задирая голову вверх. От неожиданности я не успеваю даже вскрикнуть.

Громкий хлопок разрывает тишину, и пространство взрывается ослепительным светом. Я инстинктивно жмурюсь, но через мгновение заставляю себя открыть глаза.

Передо мной – мужское лицо, настолько близко, что я чувствую чужое дыхание на своей коже.

Его глаза – бездонные черные омуты, затягивают, словно водовороты. В них плещется что-то пугающее, нечеловеческое. Длинные смоляные пряди волос небрежно спадают на широкие плечи, обрамляя точеные черты лица. В его облике есть что-то хищное, опасное.

– Что вам от меня нужно? – мой голос дрожит, выдавая страх, но я упрямо задаю вопрос.

Пальцы все еще крепче сжимают мой подбородок, и от этого прикосновения по телу разливается странный холод.

В голове роятся безумные мысли – может, я все-таки не умерла там, в том грязном переулке? Может, сейчас я лежу в больнице, опутанная проводами и трубками, а все это – просто причудливый бред воспаленного сознания? Или это кошмарный сон, из которого я вот-вот проснусь в своей постели?

Но его прикосновение слишком реально. Слишком осязаемо. А в глазах напротив плещется такая бездна, какую не способно создать даже самое больное воображение.

Реальность происходящего накатывает удушливой волной, вызывая новый приступ паники. Что-то подсказывает мне – это не сон и не бред. Это нечто гораздо более жуткое и необъяснимое.

Его губы искривляются в хищной усмешке, от которой по позвоночнику пробегает мороз. Он наклоняется еще ближе – настолько, что я чувствую его горячее дыхание на своем лице.

– Только не говори, что тебе память отшибло, – шепчет он, едва касаясь моих губ своими. От этого легкого прикосновения по телу пробегает странная дрожь.

2

Пытаюсь отстраниться, но его пальцы впиваются в мое плечо, удерживая на месте. Хватка железная – точно останутся синяки.

– Не дергайся, Ригида, или я за себя не отвечаю, – в его голосе слышится рычащие нотки, от которых внутри все сжимается – то ли от страха, то ли от чего-то совсем другого.

– Прекратите... – только и успеваю выдохнуть, прежде чем его губы властно накрывают мои.

Поцелуй обрушивается как лавина – яростный, требовательный, сметающий все мысли и возражения.

Его губы обжигают, словно раскаленное железо, язык настойчиво проникает в мой рот, изучая, подчиняя.

В этом поцелуе столько силы и жадности, что у меня кружится голова. Пытаюсь сопротивляться, но чертово тело реагирует против воли – колени подгибаются, в животе разливается горячая волна, а сердце колотится как безумное.

Его рука скользит с плеча на затылок, зарываясь в волосы, притягивая еще ближе, не давая ни единого шанса на побег. Вторая рука властно обхватывает талию, прижимая к его твердому телу. От его прикосновений по коже бегут мурашки, а в голове туманится, словно от крепкого вина.

Я задыхаюсь в этом поцелуе, тону в нахлынувших ощущениях, теряю связь с реальностью.

Ноги окончательно отказываются держать – если бы не его крепкие руки, я бы давно осела на пол. И где-то на краю сознания бьется испуганная мысль – почему мое тело так отзывается на прикосновения совершенно незнакомого человека?

Реальность плывет, растворяется в водовороте ощущений. Только спустя несколько долгих мгновений я осознаю, что прижата к холодной каменной стене. Прохлада камня просачивается сквозь тонкую ткань... платья? Когда я успела надеть платье?

Эта мысль вспыхивает и тут же гаснет, когда его горячие руки настойчиво скользят вверх по моим бедрам, задирая подол.

Он приподнимает меня и разводит бедра в стороны.

– Нет-нет-нет! – паника прорывается сквозь дурман желания, и мне удается на миг вырваться из плена его губ.

Упираюсь ладонями в его грудь, чувствуя под пальцами твердые мышцы и бешеный стук сердца. Но он делает резкое, уверенное движение, и все мое тело пронзает электрическим разрядом. Спина выгибается дугой, а крик, рвущийся из горла, тонет в новом яростном поцелуе.

В этот момент я окончательно теряю контроль над ситуацией. Его руки, его губы, его тело – все это слишком много, слишком напряженно.

Каждое прикосновение отзывается огнем под кожей, каждый вздох превращается в тихий стон. И где-то на краю затуманенного сознания бьется отчаянная мысль – какого хрена здесь происходит?

Его движения – резкие, властные, почти грубые – отзываются в каждой клеточке тела. Хриплое рычание, вибрирующее в поцелуе, отключает последние крохи разума.

В низу живота нарастает сладкое напряжение, скручивается тугой пружиной, и внезапно взрывается ослепительной вспышкой наслаждения. Меня буквально разносит на тысячи мелких осколков.

Из горла вырывается жалобный скулеж, приглушенный его настойчивыми губами. Сквозь пелену удовольствия чувствую, как его движения становятся рваными, неконтролируемыми, пока он догоняет свою волну экстаза.

А потом – пустота. Я пытаюсь восстановить дыхание, цепляясь дрожащими пальцами за стену позади себя. Сердце колотится как сумасшедшее, в ушах звенит. И в этот момент он просто... сбрасывает меня со своих рук, словно надоевшую куклу.

Я едва удерживаюсь на подкашивающихся ногах, наблюдая, как он брезгливо поправляет странную одежду, даже не глядя в мою сторону.

В груди болезненно сжимается от этого пренебрежительного жеста. Униженная, растерянная, я пытаюсь собрать осколки своего достоинства, но меня разрывает от ощущения неправильности происходящего.

Закончив он поднял на меня свои черные глаза и усмехнулся:

– Ты все такая же доступная. Даже жаль, что придется избавиться от тебя.

3

Всё ещё пытаюсь прийти в себя после случившегося, опускаю взгляд на свои руки и... замираю. Что-то не так. Очень-очень не так.

Смотрю на изящные, тонкие пальцы, украшенные дорогими кольцами с драгоценными камнями, которые мерцают даже в полумраке. Вглядываюсь в хрупкие, аристократичные запястья, словно выточенные искусным скульптором. Эти руки... они определенно не мои. Я помню свои руки – с короткими практичными ногтями, мозолями от постоянной работы с бумагами, и следом от ожога на левом запястье, когда я неудачно готовила кофе.

А эти... они будто принадлежат какой-то благородной даме, никогда не знавшей тяжёлого труда. Изящные, ухоженные, с длинными аккуратными ногтями и белоснежной кожей.

– Что за херня?! – вырывается у меня сдавленный шёпот, пока я в панике верчу перед глазами эти чужие руки. Шевелю пальцами – они послушно двигаются. Касаюсь одной рукой другой – чувствую прикосновение. Но это определённо не мои руки!

К горлу подкатывает тошнота, а в голове начинает пульсировать паническая мысль – если это не мои руки, то чьё тело на меня надето?!

Чувствую на себе тяжёлый, изучающий взгляд – будто под кожу забираются острые иголки. Поднимаю глаза на мужчину, но молчу, судорожно соображая. Я понятия не имею, кто я сейчас, в чьём теле нахожусь. Что можно говорить? А что нельзя? Одно неверное слово может выдать меня с потрохами.

– Хватит делать такое растерянное лицо, – его губы кривятся в насмешливой ухмылке. В глазах мелькает что-то... хищное? Опасное? – Жена из тебя паршивая, но в постели мне с тобой нравилось.

Жена?! Я чуть не подавилась вязкой слюной, которая почему-то скопилась во рту. Сердце пропустило удар, а затем заколотилось как бешеное. Так я не просто в чужом теле – я в теле чьей-то жены? И этот пугающий мужчина – муж той женщины?

Пытаюсь справиться с новой волной паники, начинаю осматриваться вокруг. И с каждой секундой становится всё более жутко.

Это место... Язык не поворачивается назвать его комнатой. Это настоящая тюремная камера – маленькая, тесная, с голыми каменными стенами, покрытыми какими-то тёмными разводами. Единственная мебель – узкая деревянная лавка, которая выглядит так, будто вот-вот развалится. Ни окон, ни других признаков связи с внешним миром.

Поднимаю взгляд к потолку, где загадочным образом висит единственный источник света – какой-то светящийся шар. Не лампа, нет... что-то другое, будто... магическое? От этой мысли по спине пробегает волна мурашек. Где я, чёрт возьми? В какое средневековое фэнтези я попала?

В голове крутится тысяча вопросов, но я боюсь задать хоть один. Потому что каждый мой вопрос может выдать, что я – не та, за кого меня принимают. А судя по обстановке и пугающему поведению "мужа", это может быть очень, очень опасно.

– Язык проглотила? – его голос звучит насмешливо, но в глазах плещется что-то темное, опасное.

Вздрагиваю, растерянно моргая. Высокий, широкоплечий мужчина возвышается надо мной как скала. Длинные черные волосы небрежно спадают на плечи, а в глазах-омутах отражается магический свет, придавая его облику что-то нечеловеческое.

Что ответить? Судя по всему, к своей жене – телом которой я теперь непостижимым образом владею – он особой привязанности не испытывает. Иначе с чего бы угрожать смертью?

– Вовсе нет, – выдавливаю из пересохшего горла. Голос звучит хрипло и неуверенно.

Он хмурится, складка между бровей становится глубже. Но взгляд отводит, словно я недостойна его внимания.

– Должно быть просто трусишь... – в его голосе проскальзывает что-то похожее на разочарование. – Иди за мной, Ригида. Время пришло.

Друзья! Приетствую вас в моей новой истории. Надеюсь, начало вам понравилось и вы не забыли добавить книгу в библиотеку ##

Проды нас ждуют каждый день, а может и не по разу))

Промокод к книге "Добро пожаловать в шкуру злодейки" <https://litnet.com/shrt/VUKSL4AJwudS>

4

Сердце пропускает удар. Время для чего? После всего произошедшего одна мысль о том, чтобы куда-то с ним идти, вызывает панику. Особенно учитывая его недавние слова о том, что мне осталось жить меньше часа.

В голове крутится безумная карусель – я ведь только что умерла в своем мире!

А теперь что? Я в чужом теле, в какой-то темнице и этот пугающий мужчина, который называет себя мужем, собирается меня куда-то вести. После его слов о скорой смерти это "куда-то" вызывает дрожь.

Инстинкт самосохранения кричит – беги! Но куда? В этой каменной коробке без окон только одна дверь, да и та, похоже, заперта. А этот мужчина... судя по всему не заинтересован в моем побеге.

– Я сказал – иди, – в его голосе появляются рычащие нотки, от которых по спине бегут мурашки.

Делаю неуверенный шаг вперед, потом еще один. Ноги дрожат и подкашиваются – то ли от пережитого стресса, то ли от страха. Длинное платье путается в ногах, заставляя двигаться еще более неуклюже. Никогда не носила таких нарядов – как в них вообще можно ходить?

Мужчина нетерпеливо хватается за локоть. Его пальцы впиваются в кожу как стальные тиски – точно синяки останутся. Хотя... если он говорит правду про "меньше часа", какая разница?

– Прекрати шататься как пьяная, – говорит он сквозь зубы, буквально выволакивая меня из камеры. – Хоть умри достойно.

От этих слов внутри все обрывается. Значит, он действительно ведет меня на смерть. В голове вспыхивает отчаянная мысль – может, если признаться, что я не та женщина, что я вообще из другого мира?

Но эта идея тут же гаснет. Кто поверит в подобный бред? Да меня за такие рассказы просто за сумасшедшую примут. Хотя... возможно, это не худший вариант? Сумасшедших же не казнят?

Пока я лихорадочно перебираю варианты спасения, он тащит меня по длинному коридору. Такому же мрачному, как и камера – с голыми каменными стенами, освещенному только редкими светящимися шарами под потолком. От их холодного света его лицо кажется еще более жутким – все эти резкие тени только подчеркивают хищный профиль и волевой подбородок.

Интересно, кем была эта Ригида? Что она такого натворила, что заслужила смертный приговор от собственного мужа? И главное – что теперь делать мне, случайно оказавшейся в ее теле?

Коридор, кажется, бесконечен. Шаги гулко отдаются от каменных стен, а редкие магические светильники отбрасывают жуткие тени. В некоторых местах на стенах виднеются темные подтеки – то ли от сырости, то ли... лучше не думать, от чего еще.

Я спотыкаюсь о подол этого неудобного платья, и мужчина дергает меня за локоть еще сильнее.

– Прекрати, – цедит он сквозь зубы, – жалости от меня ты больше не добьешься.

В его голосе столько презрения, что внутри все сжимается. Как женщина может жить с таким мужем? Хотя... судя по всему, долго она не прожила.

Впереди появляется развилка. Мой конвоир, не раздумывая, сворачивает направо. Здесь коридор шире, а стены украшены какими-то гобеленами. На них изображены батальные сцены – воины с мечами, огромные существа, похожие на драконов, и странные символы, светящиеся в полумраке.

Я едва не спотыкаюсь снова, засмотревшись на эти картины. Драконы? Магические светильники? В какое фэнтези я попала?

– Есть что сказать перед смертью? – спрашивает он хмуро. – Думаю, за два года нашего брака я могу позволить тебе такую поблажку перед публикой.

Два года? Значит, они были женаты два года. И теперь он ведет ее – меня – на казнь. За что? Что можно сделать такого, чтобы муж хладнокровно отправил тебя на смерть?

Друзья! Очень нужна ваша помощь. Если история нравится, прошу нажать соответствующую кнопочку. А с меня сегодня еще одна прода ##

ПРОДА ###

– Н-нет, – мой голос дрожит.

Впереди показывается массивная дверь. Она выглядит внушительно – вся покрытая металлическими пластинами и странными символами, похожими на те, что были на гобеленах. При нашем приближении символы начинают тускло светиться.

– Последний шанс, Ригида, – внезапно произносит мужчина, останавливаясь. – Расскажи все.

Я замираю. Что рассказать? Я понятия не имею, что натворила настоящая Ригида! Паника накатывает новой волной, в горле пересыхает.

– Я... – голос срывается, и я судорожно сглатываю. – Я не...

– Все еще строишь из себя невинную овечку? – он резко разворачивает меня к себе, впиваясь взглядом. – После всего, что ты сделала?

Его глаза – черные, бездонные – буравят меня насквозь. В них плещется что-то пугающее, нечеловеческое.

Не выдержав его взгляда, опускаю глаза. И замечаю на его груди какой-то знак, вышитый серебряной нитью – сложное переплетение линий, похожее на печать.

– Молчишь? – его пальцы снова до боли сжимают мой подбородок, заставляя поднять голову. – Что ж, значит, так тому и быть.

Он отпускает меня и поворачивается к двери. Проводит рукой над одним из светящихся символов, что-то неразборчиво произносит – и дверь медленно открывается с тяжелым скрипом.

За ней – яркий свет и гул голосов. Множества голосов.

Сердце пропускает удар. Кажется, меня ждет публичная казнь.

«Муж» подталкивает меня к выходу, и я на мгновение щурюсь от яркого света. Когда глаза привыкают, у меня перехватывает дыхание.

Огромная площадь, вымощенная серым камнем, заполнена людьми. Сотни, может быть, тысячи глаз смотрят на меня с ненавистью. В воздухе стоит гул голосов, похожий на жужжание разъяренного улья.

В центре площади возвышается... О боги, у меня подкашиваются ноги. Высокий деревянный столб, окруженный горой хвороста. Несколько человек все еще подкладывают поленья, делая эту жуткую конструкцию еще массивнее.

Между толпой и местом казни стоят воины в темных доспехах, образуя живой коридор. Их лица скрыты под шлемами, но даже так чувствуется их напряжение — руки крепко сжимают древки алебард, готовые в любой момент сдержать рвущуюся вперед толпу.

– Ведьма! – кричит кто-то, и толпа подхватывает. – Убийца! На костер ее!

Гул перерастает в рев. Люди потрясают кулаками, их лица искажены гневом. Какая-то женщина бросает в меня камень, но он не долетает — один из воинов ловко отбивает его древком алебарды.

– Шевелись, – бросает мужчина, до боли сжимая мой локоть. – Пора заканчивать этот фарс.

Меня ведут по этому коридору ненависти, и каждый шаг дается с трудом. От страха у меня немеют ноги, а в голове бьется только одна мысль: что такого сделала настоящая Ригида, что ее так ненавидят?

– П-подожди, – я пытаюсь отступить, вырвать руку, но «муж» тянет меня на себя с такой силой, что я едва не падаю.

– У тебя был шанс, Ригида, – его голос звучит глухо где-то над моей макушкой. От его тона по спине бегут мурашки. – Сдала бы всех, получила бы помилование.

Сердце пропускает удар. Шанс? Помилование? Что значит «сдала бы всех»? Неважно — сейчас любая соломинка может спасти мне жизнь.

– Я готова рассказать! – поднимаю голову и встречаюсь взглядом с его черными, как бездна, глазами. В них плещется что-то темное, опасное.

Внутри все дрожит от страха и отчаяния. Плевать, что я понятия не имею, в чем обвиняют Ригиду, — придумаю что-нибудь на ходу. Что угодно лучше, чем быть сожженной на костре под крики разъяренной толпы.

Но он лишь усмехается, и в этой усмешке столько презрения, что внутри у меня все холодеет.

– Поздно.

В этом коротком слове – приговор. Окончательный и бесповоротный.

5

Меня накрывает волной ужаса, по спине бегут колючие мурашки. Дергаюсь в его руках, толкаю огромного мужчину в грудь, пытаюсь вырваться. Бесполезно – он легко перехватывает меня поперек талии, словно тряпичную куклу, и тащит к костровищу. Там он бесцеремонно сгружает меня на руки какому-то человеку в темной одежде и коротко приказывает:

– Привяжите.

Меня захлестывает паника. Кричу что-то бессвязное, пытаюсь укусить державшего меня человека, но все тщетно. В итоге оказываюсь на помосте, туго притянутая веревками к деревянному столбу. Они впиваются в кожу даже через ткань платья, перехватывают грудь так, что трудно дышать.

"Муж" хмуро наблюдает снизу вверх, контролируя, как несколько человек зажигают факелы. В его черных глазах пляшут отблески огня, делая взгляд еще более жутким. Толпа вокруг нас радостно ревет, предвкушая зрелище.

Сердце колотится где-то в горле, перед глазами все плывет от страха. Какое-то безумие – я только что умерла от ножа грабителя, а теперь должна сгореть заживо в чужом теле? Что это за жестокая шутка судьбы?

Факелы подносят к сухой соломе и та вспыхивает, радостно бросаясь на поленья.

Я смотрю на этого ужасного "мужа" и понимаю, что шансов действительно нет. Он не просто привел меня на казнь, он как и все эти люди на улице ждет, когда огонь возьмется лизать мою плоть.

И когда обжигающие языки пламени хватают мое платье, происходит что-то странное. В груди обжигает болезненным ужасом, а затем по коже пробегают мурашки. Чувствую, как слабым потоком из меня вытекают последние силы.

Только начавшееся пламя вдруг гаснет, словно задутое невидимым ветром.

"Муж" усмехается, подходит ближе к костровищу и одним властным взмахом руки вдруг вызывает новое пламя на сухих поленьях. Магия? В этом мире существует магия?!

Я прикрываю глаза, понимая, что это конец, но тут происходит нечто невероятное.

Теплая электрическая волна касается кожи и мощным потоком врывается внутрь меня. Это ощущение... что-то невероятно родное, как улыбка матери, и теплое, как майское солнце. Оно наполняет каждую клеточку тела, заставляя пламя гаснуть, а меня – наполняться незнакомой, но такой естественной энергией.

Я поворачиваю голову к источнику этой спасительной волны и среди толпы замечаю высокую карету с витиеватыми вензелями. Из окошка на меня смотрит девушка невероятной красоты – пепельная блондинка с синими, как летнее небо, глазами.

Вся площадь изумленно оборачивается к ней, и наступает звенящая тишина. Даже пламя, кажется, замирает, боясь нарушить этот момент.

– Какого?.. – раздается глухой голос моего "мужа".

Он щурится, вглядываясь в карету, а затем размашистым шагом направляется к ней. Толпа ропщет и торопливо расступается, образуя живой коридор – люди явно боятся этого человека. Когда он почти достигает цели, какой-то рыжий мужчина пытается преградить ему путь, но даже не успевает коснуться рукояти меча – "муж" небрежным взмахом ладони отправляет несчастного куда-то в толпу, словно тряпичную куклу.

Дверь кареты распаивается, и оттуда выходит высокий крупный мужчина. У него такие же черные волосы, как у моего "мужа", но глаза – глубокого синего цвета. От него веет той же опасной силой, но есть в ней что-то... величественное.

– Ваше высочество, – мой "муж" склоняется в почтительном поклоне, но в его голосе слышится сдерживаемое раздражение. – Ваша спутница применила магию.

По толпе проносится удивленный шепот. Кажется, это что-то значит... что-то важное. Но что?

– Применила. И что с того? – усмехается в ответ высочество, и в этой усмешке столько превосходства, что даже я, привязанная к столбу, чувствую его силу.

– Именем императора, я требую сдать эту женщину моей службе! – холодно произносит мой "муж". От его тона веет арктическим холодом.

По толпе снова проносится шепот, но теперь в нем слышится что-то среднее между страхом и предвкушением. Я же замираю, боясь пошевелиться.

Стою, привязанная к этому чертовому столбу, и даже не знаю, что лучше – сгореть прямо сейчас или дожидаться, чем закончится эта схватка взглядов между двумя опасными мужчинами. Потому что интуиция подсказывает – тот, кого называли "высочеством", может оказаться ничуть не безопаснее моего "мужа".

6

– Вы говорите о моей супруге, каратель? – в голосе высочества появляются стальные нотки.

Каратель? Я нервно сглатываю. Что-то вроде инквизитора? Теперь понятно, почему его так боятся – человек, облеченный властью казнить и миловать. И он... мой муж? От этой мысли становится не по себе.

– Прошу прощения, ваше высочество, – каратель склоняет голову, но в его позе нет настоящей покорности. – Мы не ждали вас с супругой в столице. Буду признателен, если она не станет мешать прохождению казни преступницы.

Его голос звучит хмуро, почти угрожающе, несмотря на вежливые слова. А я понимаю – спасительная волна, что защитила меня от огня, была магией принцессы. Значит, в этом мире она под запретом? Или доступна только избранным?

Принц усмехается, но кивает: – Я передам ей ваши чаяния.

В его тоне слышится что-то среднее между насмешкой и вызовом.

Мужчина возвращается в карету, а каратель широкими шагами идет к месту моего будущего сожжения. Его взгляд мрачнее грозовой тучи, и когда он смотрит на меня снизу вверх, в черных глазах плещется что-то по-настоящему жуткое. Толпа снова начинает волноваться, предвкушая зрелище.

Он взмахивает рукой, и я захлебываюсь новой волной паники. Смотрю, как карета медленно исчезает в конце улицы, унося с собой мою последнюю надежду на спасение.

Языки пламени жадно облизывают хворост, подбираясь все ближе к моим ногам. Сердце колотится как безумное, во рту пересыхает от ужаса. Зажмуриваюсь, готовясь к невыносимой боли...

Но ее нет.

Открываю глаза и с изумлением смотрю вниз. Огонь уже добрался до моих стоп, игриво облизывает подол платья, но... я ничего не чувствую. Совсем. Ни жара, ни боли – будто между мной и пламенем стоит невидимая преграда.

Что происходит? Неужели магия принцессы все еще защищает меня? Или это что-то другое?

Поднимаю растерянный взгляд на карателя и вижу, как его лицо каменеет. Кажется, он тоже не ожидал такого поворота.

– Лучше бы тебе просто сгореть, дорогая, – холодно говорит мужчина, но я вижу, как желваки ходят на его скулах от бессильной ярости. Похоже, что-то пошло не по его плану.

Возможно, это нервное, или адреналин в крови играет, но я вдруг чувствую странную смелость.

– Я вообще-то собиралась, – нервно усмехаюсь, глядя на пламя, бессильно лижущее подол моего платья, – но ваш магический огонь какой-то не горячий.

По толпе проносится удивленный ропот. Кто-то тычет в меня пальцем, кто-то что-то шепчет. А я вижу, как темнеет лицо карателя, и понимаю – возможно, не стоило злить человека, который явно найдет другой способ меня убить.

Но губы сами растягиваются в нервной улыбке. Кажется, у судьбы на меня какие-то другие планы и ты ей, дорогой муж, не указ.

Огонь поднимается выше, игриво танцует на складках платья, весело потрескивая. Люди в темных одеждах – помощники карателя? – суетятся вокруг костра, как встревоженные муравьи. Бегают туда-сюда с ведрами воды, пытаются потушить разгорающееся пламя. Но оно упрямо продолжает гореть, словно издеваясь над их попытками.

Белые клубы дыма окутывают меня со всех сторон. В носу щиплет от едкого запаха копоти, глаза слезятся. Чувствую, как на коже оседает сажа – наверное, буду черная, как негр-тенок. Но главное – живая! По крайней мере, пока.

Толпа уже не ревет – люди растерянно переглядываются, не понимая, что происходит. Наверное, не каждый день видят, как приговоренная к сожжению преспокойно стоит в огне и даже находит в себе силы язвить.

Веревки на мне уже сгорели, осыпались трухой, но я не спешу покидать очаг. В голове крутится паническая мысль – каратель может просто приказать отрубить мне голову, и тогда никакая магия не спасет. Или спасет? Проверять как-то не хочется.

Но пока я стою в раздумьях, он сам заходит в огонь – прямо в этих своих дорогих сапогах и темной одежде. Хватает меня поперек талии и забрасывает на плечо, словно мешок с мукой. Я даже вскрикнуть не успеваю, как нас ослепляет белая вспышка, а в следующую секунду я с плеском лечу в воду.

Хлебаю воду, отплевываясь и пытаюсь вылезти из глубокой ванны. И пока я, как мокрая кошка, пытаюсь прийти в себя, эта сволочь лезет следом.

Его руки смыкаются вокруг меня, как тиски.

– Что ты делаешь?! – визжу я, пытаюсь выкрутиться из его хватки. Но он только крепче обхватывает меня, с силой прижимая спиной к своей груди.

– Ты хлебнула ее магии и сейчас отдашь мне, поняла? – рычит он мне в макушку. В его голосе слышится что-то дикое, первобытное.

– Отпусти меня, приду... м-м-м! – его ладонь зажимает мне рот, не давая договорить.

Промокод на книгу "Злодейка. Худшая из худших" <https://litnet.com/shrt/Vt9xiQNZxKio>

7

Вторая рука скользит выше, обхватывая грудь, а пальцы находят и стискивают тугую горошину. По телу пробегает волна сладко-колючих мурашек, а следом я чувствую прикосновение его горячих губ к плечу.

– Тебе всегда нравилось грубо, – шепчет он. – Не понимал почему, а сегодня и сам хочу...

Я отчаянно мычу в его ладонь, пытаюсь вырваться, но он намного сильнее – у меня нет ни единого шанса освободиться. Его рука медленно скользит вниз, оглаживая живот через мокрую ткань платья. Затем пальцы движутся ниже и собирают складки юбки, пока не добираются до бедра, вызывая у меня новую волну протестующего мычания.

Внезапно в дверь стучат – громко и нетерпеливо. Явно женская рука.

Каратель замирает, прекращая свои поползновения. Он откидывается на спинку ванной, крепче прижимая меня к своей груди.

– Войди, – хрипло произносит он над моим ухом, обжигая кожу тяжелым дыханием. Его рука наконец освобождает мой рот, позволяя нормально вдохнуть.

Внезапно белоснежная дверь распаивается с громким скрипом, и в ванную комнату входит высокая брюнетка. Ее появление словно разрезает напряженную атмосферу, заставляя меня вздрогнуть в объятиях карателя.

Я напряженно рассматриваю незнакомку, пытаюсь понять, кто она такая. Ее темные волосы идеально уложены, а дорогое платье подчеркивает стройную фигуру. Но больше всего меня поражает выражение ее лица — смесь раздражения и... ревности?

Рука карателя все еще лежит на моем животе, крепко удерживая меня. Его пальцы слегка подрагивают, и я чувствую, как напрягаются мышцы его груди за моей спиной. Кажется, он тоже не ожидал этого вторжения.

Вода в ванне слегка колыхнется от наших движений, и я остро ощущаю, как намокшая ткань платья липнет к телу. Чувствую себя невероятно уязвимой и растерянной.

Брюнетка недовольно поджимает губы, окидывая нас холодным взглядом. Ее глаза задерживаются на руке карателя, обнимающей меня, и я вижу, как желваки играют на ее скулах.

– Рэйв... – она нервно смотрит на меня, а потом снова переводит взгляд на мужчину. В ее голосе слышится плохо скрываемое раздражение. – Почему она здесь?

Я чувствую, как каратель — теперь я знаю, что его зовут Рэйв — слегка напрягается за моей спиной. Его дыхание становится глубже, словно он пытается сдержать эмоции.

– Не сейчас, – отвечает он коротко, его голос звучит хрипло и напряженно.

Я не знаю, кто эта женщина, но ясно одно — мое присутствие здесь ей совсем не по душе. Атмосфера в ванной комнате накаляется с каждой секундой, и я чувствую себя словно между молотом и наковальней.

Брюнетка скрещивает руки на груди, ее взгляд мечет молнии.

– Я думала, мы договорились, что эта... – она запинаясь, явно подбирая слова, – что она больше не появится в нашем доме.

Наш дом? А разве не я, вернее, Ригида, его супруга?

Вода в ванне кажется все холоднее, а напряжение в воздухе можно буквально пощупать руками. Я чувствую, как сердце колотится где-то в горле, а мысли путаются от страха и непонимания происходящего.

– Я неясно выразился, Саена? Не сейчас, – голос Рэйва звучит настолько угрожающе, что даже мне хочется пригнуться.

Брюнетка бросает на меня еще один испепеляющий взгляд. В ее темных глазах плещется такая ярость, что становится не по себе. Она резко разворачивается на каблуках, отчего ее

идеально уложенные волосы взметаются в воздухе, и выходит из комнаты. Дверь захлопывается с таким грохотом, что, кажется, даже стены вздрагивают.

Я замираю, боясь пошевелиться. Мраморные стены ванной комнаты давят своей роскошной белизной, а витиеватые узоры на кафеле начинают расплываться перед глазами. Кажется, будто даже воздух сгустился от напряжения, делая каждый вдох все более тяжелым.

Мне нужно как-то уйти. Хотя бы из этой ванны выбраться и оказаться на безопасном расстоянии от палача. На как можно более безопасном!

Каратель поднимает руку, неожиданно хватая мой подбородок и дергает в сторону, заставляя смотреть в свои черные глаза.

– Итак, – он медленно скользит взглядом от моих глаз к губам и обратно, – рассказывай кто ты такая, и куда делась моя жена.

Промокод к книге "Добро пожаловать в шкуру злодейки" <https://litnet.com/shrt/VVnCхOiw-p5n>

8

Я начала нервно ёрзать в его руках, когда он спросил, кто я такая и куда делась его жена. Сердце заколотилось где-то в горле — неужели он догадался? Или просто издевается? С этим мужчиной я уже ни в чём не была уверена.

Я попыталась вырваться из его стальных объятий, но он даже не шелохнулся, продолжая удерживать меня в ледяной воде. По коже побежали мурашки — то ли от холода, то ли от страха.

– Отпусти меня немедленно, – процедила я сквозь зубы, – или я откушу тебе нос!

Вместо ответа он просто наклонился ближе, практически касаясь носом моей щеки. Его черные глаза смотрели с такой опасной насмешкой, что я сразу поняла: если я дернусь, он без колебаний утопит меня в этой роскошной мраморной ванне.

Когда я замерла, не решаясь воплотить свою угрозу в жизнь, он надменно усмехнулся и откинулся назад, увлекая меня за собой. Вода всколыхнулась, намочив и без того влажные волосы.

В голове лихорадочно метались мысли: он действительно понял, что я не его жена, или просто проверяет меня? Может, заметил что-то необычное в моем поведении? Или это очередная его жестокая игра — сначала сделать вид, что догадался, а потом наблюдать, как я в панике выдам себя? От этой неопределенности внутри все сжималось от страха.

Его пальцы медленно скользили по моему животу сквозь мокрую ткань платья, посылая по телу треклятые электрические импульсы. Я изо всех сил старалась игнорировать эти прикосновения, концентрируясь на том, что вода становится все холоднее. Роскошная ванная комната с белоснежным мрамором и витиеватой лепниной подавляла своим величием, делая происходящее еще более нереальным.

– Надо же, – задумчиво произнес он, и его горячее дыхание обожгло мне ухо, – неужели страх смерти сделал тебя такой... послушной?

Я промолчала, не зная, что ответить. Пусть думает, что дело в страхе — хотя, честно говоря, я действительно была напугана до дрожи. Этот человек пугал меня даже больше, чем недавний костёр.

Он хмыкнул, вытащил руку из воды и медленно провёл пальцем по моей щеке, спустился к шее, очертил плечо. От этого прикосновения по коже побежали мурашки, а сердце забилось ещё быстрее.

– Странно, – тихо сказал он, – раньше я не замечал, какая ты красивая.

Я испуганно оглянулась на него через плечо, чувствуя, как от его взгляда по спине бегут холодные мурашки. Он прищурился, и в его чёрных глазах мелькнуло что-то опасное.

– Как будто это и правда не ты, – медленно произнес он. – Но тебе повезло, что я изучил твоё тело вдоль и поперёк. Иначе я бы принял тебя за двойника.

Я судорожно сглотнула, чувствуя, как его рука медленно скользит по моей спине. В следующее мгновение он резко дернул ткань платья вниз, и я вскрикнула от неожиданности.

Вода плеснула на бортики ванны, когда я дернулась в его руках. Холодный воздух коснулся обнаженной кожи, вызывая новую волну дрожи. Мраморные стены, казалось, сдвинулись ближе, делая пространство еще более тесным и душным.

– Что ты делаешь?! – шиплю я, стараясь отодвинуться и прижимая разорванное платье к груди. – Не прикасайся ко мне!

А в ответ слышу смешок и хриплое:

– Я думал, костер предпочтительнее, Ригида.

Я обернулась и непонимающе на него посмотрела. Изогнутые в презрительной усмешке губы не собирались молчать. Мужчина поднял руку, и потер пробивающуюся щетину. В черных глазах, не было ничего, кроме холода.

– Такая казнь будет интереснее. Без толпы зевак, конечно, но, наверное, оно того стоит. Еще ни одна смертница не подыхала у меня в ногах умоляя ее поймать.

9

– Что ты... – слова застревают в горле, пока я пытаюсь осмыслить происходящее. В голове полный сумбур, и я никак не могу сформулировать вопрос, который бы не выдал меня с головой.

Пристально всматриваюсь в его точеное лицо, но оно остается непроницаемым, как маска. Только в глубине черных глаз мерцает что-то опасное, затягивающее.

– Что "я"? – на его губах расплзается холодная усмешка, от которой по спине бегут мурашки. – Уже забыла последствия нашего скоропалительного брака? Пока смерть не разлучит нас, дорогая.

В его голосе столько яда, что последнее слово звучит как оскорбление. Он медленно поднимает руку к моему лицу, и я невольно замираю. Его большой палец мягко стирает что-то с моей щеки – сажу после костра? Со стороны этот жест мог бы показаться почти нежным, заботливым. Но я слишком хорошо чувствую волны презрения, исходящие от него. Даже это простое прикосновение пропитано насмешкой, словно он гладит нашкодившего котенка, прежде чем утопить его.

– Я не буду ползать у тебя в ногах, – огрызаюсь я, резко дергая головой в сторону. Но его пальцы моментально ловят мой подбородок, удерживая на месте с той же небрежной легкостью, с какой он управлялся с огнем на площади.

Внутри начинает закипать злость. Меня откровенно бесит эта его манера хватать меня за лицо, словно я его собственность. Но что я могу сделать? У него магия, сила и власть. А у меня? Только чужое тело и полное непонимание происходящего. Пока что придется терпеть его прикосновения и выяснять, что вообще творится в этом безумном мире.

Ванна уже давно остыла, но он, кажется, не обращает на это внимания. Его чёрные глаза пристально изучают моё лицо с каким-то хищным интересом, словно он пытается разгадать сложную загадку. А я чувствую себя бабочкой, которую коллекционер пришил к бархатной подушке — такой же беспомощной и обречённой.

Роскошь мраморных стен ванной комнаты давит на меня, а замысловатые узоры на кафеле, кажется, складываются в насмешливые гримасы. В этой богато обставленной темнице я чувствую себя ещё более чужой, чем на площади во время казни. По крайней мере, там всё было просто и понятно — меня хотели убить. А здесь... здесь я совершенно не представляю, чего ждать от этого пугающего человека, который называет себя моим мужем.

– Нет? – его голос сочится ядовитой насмешкой. – Мы это уже проходили. Что ж...

Он небрежно отталкивает пальцами мой подбородок, и я тут же отворачиваюсь, радуясь возможности не смотреть в эти жуткие черные глаза.

– Давай проверим, насколько тебя хватит, – в его тоне слышится что-то среднее между угрозой и вызовом.

Сильные руки сдвигают меня дальше в ванну, и он грациозно поднимается из воды. Прохладные струйки стекают с его одежды, и этот звук кажется оглушительным в напряженной тишине. Каждая капля отдается в моих ушах, словно удар колокола.

– Поскольку твоя казнь не смогла состояться, – произносит он с той же холодной деловитостью, с какой обсуждают погоду, – я перенесу ее на неделю. Если к ее концу ты решишь, что лучше сдохнуть на костре, так тому и быть.

– А если нет? – вопрос вырывается сам собой. Я продолжаю сидеть к нему спиной, но каждый нерв в теле звенит от напряжения.

Его смех... О боги, этот тихий, издевательский смех заставляет все внутри похолодеть. Он пробирает до самого дна души, вызывая дрожь, которую невозможно скрыть. Как один человек может быть настолько пугающим?

Рэйв не отвечает на мой вопрос – видимо, молчание кажется ему более красноречивым. Слышу, как его шаги удаляются, затем дверь плотно закрывается с глухим стуком. Я только успеваю перевести дух, собираясь выбраться из остывшей воды, как в ванную буквально влетает новая посетительница.

Высокая женщина в строгом сером платье окидывает меня таким холодным взглядом, что вода в ванне, кажется, становится еще холоднее. Ее движения отточены и полны достоинства, когда она берет с мраморной тумбы полотенце и протягивает его мне.

– Мне велено за вами присматривать, – каждое слово звучит так, словно ей приказали нянчиться с ядовитой змеей. Все ее существо излучает молчаливое неодобрение и нежелание находиться со мной в одном помещении.

10

Я растерянно смотрю на протянутое полотенце, не понимая, что с ним делать. Тяжелое платье облепило тело, как вторая кожа, и толку от этого куска ткани явно никакого. Вода стекает на мраморный пол, образуя небольшие лужицы у моих ног.

– Вам будут выделены отдельные покои, – сухо информирует женщина в сером, словно зачитывает официальное уведомление. – Леди Блаквутер спешно уехала и неделю погостит у своих родителей.

Губы сами собой растягиваются в невеселой усмешке. Надо же, как быстро эта "леди" покинула их дом, уступив место законной супруге. Хотя... что-то в этой ситуации кажется до боли знакомым.

В памяти всплывает собственное прошлое – та жизнь, что оборвалась в темном переулке от ножа грабителя. Я тоже когда-то уходила вот так, оставляя квартиру мужу и его любовнице. После того, что я застала в супружеской спальне, находиться там было физически невыносимо. Просто собрала вещи и ушла, радуясь про себя, что детей у нас не было и ничего, кроме совместно нажитого имущества, меня с этим человеком не связывало.

Странная ирония судьбы – в новой жизни я оказалась по другую сторону баррикад. Правда, снова в статусе жены, но надеюсь, это поправимое, а потом все вернется на круги своя, и я оставлю голубков. Потому что этот "муж" пугает меня гораздо больше, чем перспектива остаться без крышки над головой.

– Мне нужно переодеться, – выдавливаю я, чувствуя, как от холода зубы начинают отбивать дробь. Мокрая ткань платья высасывает последнее тепло, а по коже бегут колючие мурашки.

Женщина сухо кивает, разворачивается и выходит из ванны. Следую за ней по коридорам, оставляя за собой мокрые следы на роскошном паркете. Здесь еще холоднее, чем в ванной – сквозняки гуляют между стен, заставляя меня дрожать всем телом. Мокрое платье превратилось в настоящую ледяную броню, а зубы стучат так, что, наверное, слышно на другом конце особняка.

Моя сопровождающая наконец останавливается у высокого деревянного шкафа, украшенного искусной резьбой. Она деловито распахивает дверцы и извлекает оттуда что-то белое, воздушное – ночную сорочку, понимаю я, когда она протягивает ее мне.

– Надеюсь, это не хозяйки дома? – спрашиваю осторожно, представляя, как бы отреагировала та высокомерная брюнетка, узнав, что я надела ее вещи.

Женщина качает головой с той же сдержанной холодностью.

– Нет, это гостевая спальня. Хозяин предпочитает, чтобы гости ни в чем не нуждались в случае, если кому-то придется остаться ночевать.

Перевожу взгляд на широкую кровать под балдахином. Она выглядит роскошно, но мысль о том, что на ней могли спать другие "гости", вызывает невольное отвращение. Интересно, кого здесь принимали? И главное – зачем?

– И как часто у него бывают гости? – интересуюсь, принимая сорочку. Ткань оказывается неожиданно мягкой и приятной на ощупь.

– Никогда, – отвечает она с той же сухостью и отворачивается к двери. – У лорда Циано нет друзей.

Фыркаю, не сдержавшись. Еще бы! С таким-то характером даже лучший друг врагом станет. Хотя... кто вообще может добровольно дружить с человеком, который походя сжигает людей на кострах?

Начинаю поднимать подол мокрого платья, но вдруг замираю. Что-то не так... Прищуриваюсь, глядя на прямую спину женщины. Почему она так откровенна со мной? Рассказывает о хозяине дома, о его отсутствующих друзьях... Это странно. Очень странно.

В ее поведении чувствуется какой-то подвох. Может, она специально пытается разговаривать со мной? Выведать что-то? Или это проверка от самого карателя – посмотреть, как поведет себя его "жена" в неформальной обстановке?

От этих мыслей по спине бегут мурашки, и вовсе не от холода. Кажется, в этом доме нужно следить не только за своими действиями, но и за каждым словом. Никогда не знаешь, кто и что может передать этому пугающему человеку, который теперь владеет моей жизнью.

11

Пытаюсь стянуть платье через голову, но что-то мешает. Опускаю глаза и только сейчас замечаю на себе мягкий корсет, шнуровка которого аккуратно завязана под грудью. Пальцы находят концы шнурка, и я начинаю возиться с узлом, чувствуя себя при этом совершенно нелепо.

"Что за странная одежда?" – мысленно удивляюсь я, разглядывая необычный крой. В моем мире такое можно увидеть разве что на ролевых играх или исторических реконструкциях. Неужели здесь женщины постоянно ходят в подобных нарядах?

Шнуровка наконец поддается, и я с облегчением чувствую, как ткань корсета ослабляет хватку. Только сейчас понимаю, как он стягивает тело – не до удушья, конечно, но ошутимо. Хотя, возможно, это просто потому, что намок? В любом случае, эта деталь гардероба явно не создана для комфорта.

Стягиваю мокрую одежду, морщась от того, как неприятно она липнет к коже. С непривычки путаюсь в слоях ткани – надо же, сколько всего на мне навешано! В своем мире я предпочитала простые джинсы и футболки, а тут, похоже, даже самый обычный наряд состоит из нескольких частей.

Накинув сорочку, машинально провожу рукой по волосам и замираю, нащупав шпильки. Вынимаю их одну за другой, и на плечи каскадом падает настоящее жидкое золото. От неожиданности задерживаю дыхание, не веря своим глазам. Осторожно беру в пальцы один локон, рассматривая его с детским восхищением. Внутри все буквально вибрирует от желания радостно запищать.

Надо же, какие они мягкие и шелковистые! В прошлой жизни я могла только мечтать о таких волосах. Природа "наградила" меня жесткими кудрями, с которыми не справлялся ни один утюжок, сколько бы я ни билась. А тут... Настоящее сокровище! По крайней мере хоть что-то хорошее в этом теле.

– Вы можете прилечь и отдохнуть до ужина, – прерывает мои восторги сухой голос женщины, – а можете... заняться какими-нибудь делами.

В последних словах явно слышится сомнение, будто она сама не представляет, какими делами я могу заняться. Впрочем, я тоже не имею ни малейшего понятия.

– А ужин... скоро? – спрашиваю осторожно, не в силах оторвать пальцы от шелковистых прядей. Они словно струятся между пальцами, переливаясь в свете свечей всеми оттенками золота.

– Ужин через три часа, – женщина осторожно поворачивается, и, убедившись в моей пристойности, одобритительно кивает сама себе. – Если вы голодны, я распоряжусь, чтобы вам принесли перекус.

В ее тоне проскальзывает что-то похожее на заботу, хотя лицо остается таким же бесстрастным. Интересно, она действительно беспокоится о моем комфорте, или это просто часть ее обязанностей? И что важнее – стоит ли принимать ее предложение? В конце концов, я понятия не имею, можно ли доверять еде в доме человека, который пытался меня сжечь.

Продолжаю рассеянно перебирать пряди, пытаюсь собраться с мыслями. Три часа... Достаточно времени, чтобы немного освоиться и подумать о своем положении. Может быть, даже осмотреться в комнате – вдруг найду что-нибудь полезное? Хотя бы намек на то, что за человек этот Рэйв Циано, чьей женой я оказалась.

– Я заберу ваше платье, – женщина наклоняется и подбирает с пола мокрую бесформенную массу ткани. – Его вычистят и отремонтируют, а также прикажу, чтобы по его меркам вам заказали другие.

Она выходит, плотно прикрыв за собой тяжелую дубовую дверь, а я наконец могу осмотреться. Комната поражает своей роскошью, хотя и выглядит немного мрачновато. Массивная кровать под темно-синим балдахином занимает почти треть пространства. Резные столбики и тяжелое покрывало с вышитыми серебряной нитью узорами говорят о богатстве хозяина дома.

У одной стены – внушительный камин с витой решеткой, в котором потрескивают поленья, разгоняя вечерний холод. Напротив него – большое зеркало в тяжелой бронзовой раме и туалетный столик из темного дерева. Пара кресел, обитых синим бархатом, приглашающе стоят перед камином.

Высокие стрельчатые окна закрыты плотными гардинами того же оттенка, что и балдахин. Стены затянуты тканью с витиеватым узором, создающим впечатление, будто по ним ползут причудливые тени. В углу притаился массивный шкаф – близнец того, из которого достали мою сорочку.

Комната выглядит богатой, но какой-то нежилой, словно красивая декорация в театре. Ни единой личной вещи, ни намек на то, что здесь когда-то кто-то останавливался. Удивительно роскошная клетка для нежеланной гостьи.

Я только собираюсь устроиться в кресле, чтобы хоть немного привести мысли в порядок, как в дверь раздается стук. Сердце пропускает удар, когда следом в комнату входит каратель. Его черные глаза скользят по мне, по тонкой сорочке, и в них что-то опасно сверкает. Я невольно отступаю на шаг, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

– Я тут кое-что понял, – его голос звучит хрипло, с какими-то рычащими нотками. Пальцы тянутся к тесемкам на рубаше, и от этого простого жеста у меня внутри все сжимается. – После прошлого секса у меня значительно восполнился резерв, хотя ты должна была быть пустой.

В его словах явно кроется какой-то особый смысл, но я слишком напугана, чтобы об этом думать. Резерв? Пустой? О чем он вообще говорит? Отступаю еще на шаг, пока не упрусь спиной в холодную стену. Сердце колотится как безумное, а в голове бьется паническая мысль – неужели он опять?..

Тонкая сорочка кажется совершенно ненадежной защитой, особенно когда его взгляд скользит по ней с таким голодным выражением. В этот момент я как никогда остро ощущаю себя добычей перед хищником, и от этого ощущения все внутри сжимается от страха.

Промокод к книге "Добро пожаловать в шкуру злодейки" <https://litnet.com/shrt/VJ9TlQbGBSlS>

12

– Мы же договорились, – говорю хрипло, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. Получается плохо – в горле пересохло от страха.

Рэйв замирает посреди комнаты, оценивающе глядя на меня. В его черных глазах мелькает что-то нечитаемое, будто он решает, что ему интереснее – посмотреть, как я подышаю, или убедиться в чем-то ему одному известном. От этого взгляда по коже бегут мурашки, а сорочка кажется еще более тонкой и ненадежной.

– Ты ведь вернула магию еще до того, как та принцесска не вовремя вмешалась в твою казнь.

Это не вопрос, а утверждение. В его голосе звучит такая уверенность, что у меня внутри все холодеет. Магия? У меня есть магия? Я судорожно размышляю – нужно ли мне что-то отвечать? Может, лучше промолчать? В конце концов, я понятия не имею, о чем он говорит.

– Язык проглотила, Ригида? – он усмехается, и в этой усмешке столько опасного превосходства, что к горлу подкатывает тошнота. – Как ты это сделала?

Я продолжаю вжиматься в стену, чувствуя спиной ее прохладу через тонкую ткань сорочки. В голове лихорадочно крутятся мысли – что бы сделала настоящая Ригида? Что она могла ответить? И главное – что случится, если я отвечу неправильно?

– Я ничего не делала, – решаюсь на максимально честный ответ. В конце концов, это правда – я действительно ничего не делала. По крайней мере, в этом теле.

Но каратель только ухмыляется, и от этой ухмылки у меня внутри все обрывается. Он делает плавный шаг в мою сторону, и я всем своим существом чувствую, как сокращается расстояние между нами. Воздух вокруг будто трещит от напряжения, по коже бегут предательские мурашки. Я пытаюсь вжаться в стену еще сильнее, хотя куда уж дальше.

– Да неужели? – еще один шаг.

Мое сердце, кажется, уже не в груди, а где-то в горле. Кровь в венах словно застывает, превращаясь в лед. Его присутствие физически давит, заставляя съеживаться под этим тяжелым взглядом.

– Кто был в камере до моего прихода?

Вопрос застаёт меня врасплох. Был? В его голосе звучит такая уверенность, словно он точно знает – кто-то там был. Но ведь это невозможно! В той темной камере никого не было, кроме... кроме настоящей Ригиды. А потом появилась я.

– Никого, – отвечаю сипло, чувствуя, как пересохло в горле.

Рэйв щурится, замерев на месте. Его черные глаза смотрят словно в самую душу, будто пытаются выпотрошить все мои тайны. От этого взгляда хочется съежиться, спрятаться, исчезнуть.

– Снова делаешь из меня дурака? – в его голосе прорезаются опасные нотки.

"Да почему ты не можешь просто взять и отстать от меня?!" – в отчаянии думаю я, но вслух только тихо произношу:

– Нет, – опускаю голову, не в силах больше выдерживать этот прожигающий взгляд.

Но он не позволяет мне отвернуться. Еще один стремительный шаг – и его сильные пальцы впиваются в мой подбородок, резко вздергивая его вверх. Он заставляет меня смотреть в свои бездонные черные глаза, и я не могу даже головой дернуть, чтобы разорвать этот мучительный зрительный контакт.

В голове лихорадочно крутятся мысли. Если там и правда кто-то был, то я об этом ничего не знаю. Я появилась в камере уже одна, в крошечной темноте. Что я должна ответить? Как убедить его, что я действительно не понимаю, о чем он говорит? И главное – поверит ли он мне, или решит, что я снова, как он выразился, "делаю из него дурака"?

Его пальцы на моем подбородке – как стальные тиски, от них наверняка останутся синяки. Но сейчас это меньшее из моих беспокойств. Куда больше пугает этот испытующий взгляд и то, что может последовать, если мои ответы его не удовлетворят.

Друзья!

Предлагаю вам ознакомиться с еще одной книгой <https://litnet.com/shrt/VBf8>

Иногда любовь может сжечь дотла. Буквально.

Ему хватило взгляда, чтобы решить, что я - его, и сделать всё, чтобы воплотить это в жизнь. От него не спрячешься, не сбежишь и всё, что я могу, это узнать его лучше...

И полюбить?

Вот только мало пробудить это чувство, его ещё нужно суметь сохранить. Ведь есть те, кто пойдёт на всё, чтобы уничтожить меня и мою любовь.

13

– Откуда у тебя магия, Ригида? – его голос звучит обманчиво мягко, но от этой мягкости становится только страшнее. – Ты ведь была пустой. Абсолютно.

Я молчу, не зная, что ответить. Как объяснить то, чего я сама не понимаю?

Его пальцы на моем подбородке слегка сжимаются, и на его лице появляется холодная усмешка.

– Молчишь? – в его голосе проскальзывают рычащие нотки. – Хочешь поплатиться за это? За каждое слово, которое не произнесла сейчас?

Он резко отпускает мой подбородок и отступает на шаг. В его черных глазах плещется что-то темное, опасное — обещание грядущей расплаты.

– У тебя есть неделя, – бросает он через плечо, направляясь к двери. – И с каждым днем будет все хуже, ты же знаешь. Потом сама принесешь мне все ответы.

Дверь закрывается за его спиной, а я медленно сползаю по стене, чувствуя, как дрожат колени. Что это было? Что он имел в виду?

В голове полная неразбериха. Я не понимаю правил этой игры, не знаю фигур на доске. Единственное, что приходит в голову, — нужно наблюдать. Внимательно следить за всем, что происходит вокруг, как в компьютерной игре, где сюжет развивается по определенному сценарию.

Может быть, если я буду достаточно внимательна, то пойму, что здесь происходит? Узнаю, кем была настоящая Ригида, почему ее приговорили к смерти и чего от нее хочет этот пугающий человек?

Главное — продержаться эту неделю, что бы это не значило. А там... там будет видно.

Еще раз внимательно осмотревшись, забираюсь на кровать и перевожу взгляд на окно, за которым сгущаются сумерки. На темнеющем небе уже проступает бледный силуэт луны, и от этого зрелища к горлу подкатывает комок. Невольно думаю о доме, хотя... какой это дом?

После развода я осталась совсем одна в крошечной съемной квартире. Ни друзей, ни родных — все контакты как-то незаметно растворились в круговерти последних лет. Даже кошку не завела, хотя часто думала об этом — все откладывала на потом, говорила себе, что сначала нужно встать на ноги, обустроиться. А теперь вот...

Странно осознавать, что там меня никто не хватится. Никто не заметит моего исчезновения, кроме разве что начальника, когда я не приду на работу. Да и тот просто найдет нового секретаря — дело житейское.

Может, поэтому судьба и забросила меня сюда? Потому что там я была совершенно лишней, ненужной деталью в огромном механизме? Горько усмехаюсь этой мысли. Хотя здесь, похоже, меня тоже не особо жалуют.

Кажется, я задремала, потому что стук в дверь вырывает меня из поверхностного сна. Я приподнимаюсь на локтях, пытаюсь сфокусировать взгляд. За окном уже совсем стемнело, только лунный свет пробивается сквозь тяжелые шторы.

– Лорд Циано ожидает вас к ужину, – сообщает вошедшая служанка. В руках у нее стопка каких-то черных тряпок, которые при ближайшем рассмотрении оказываются одеждой. – Я помогу вам одеться. Ваши вещи передали из квартиры, пока вы спали.

Я невольно усмехаюсь. Надо же — сам живет в роскошном особняке с прислугой и любовницей, а законную жену запихнул в какую-то квартиру. Хотя чему удивляться? После всего, что я успела увидеть, этот человек явно не из тех, кто заботится о комфорте близких.

От мысли о предстоящей встрече с Рэйвом внутри все сжимается. После нашего последнего разговора меньше всего мне хочется оказаться с ним за одним столом. Но, похоже, выбора у меня нет.

Женщина помогает мне надеть неудобное платье, которое я успеваю проклясть раз пять, пока она завязывает шнуровку. Затем она собирает мои волосы в аккуратный пучок, и я невольно замираю, глядя на свое отражение в маленьком зеркале.

Странно видеть в отражении чужое лицо, которое теперь принадлежит мне. Миниатюрная, стройная фигурка, словно у фарфоровой куколки. Длинные золотистые волосы струятся шелком, обрамляя точеные черты лица. Но больше всего завораживают глаза — ярко-голубые, как летнее небо, с длинными пушистыми ресницами. Надо признать, Ригида очень красива той хрупкой, утонченной красотой, которая всегда ценилась в нашем высшем обществе.

Служанка провожает меня на первый этаж и оставляет у входа в столовую. Я делаю глубокий вдох и толкаю массивную дверь. Сразу же натыкаюсь на взгляд карателя, и по спине пробегает холодок. Его черные глаза медленно скользят по моей фигуре, изучая каждый изгиб, каждую деталь наряда. В этом взгляде столько откровенного голода, что у меня почему-то подкашиваются ноги. Он смотрит на меня как хищник на добычу — с тем же предвкушением, с той же опасной грацией.

– Входи, дорогая супруга, – в его голосе столько насмешки, что я невольно вздрагиваю.
– Поужинаем впервые за два года.

Друзья! Приглашаю вас в свою новинку: <https://litnet.com/shrt/VWDU>

Еще одна героиня с репутацией злодейки попала в лапы чудовища.

14

Остается только гадать с чего это они, будучи мужем и женой, ни разу не ужинали вместе? Хотя после того, что было в камере и ванной, понятно, что близкие отношения у них имелись. Причем очень близкие... Чувствую, как щеки начинают пылать от одних воспоминаний, а внутри все скручивается в тугой узел.

Но что-то явно пошло наперекосяк в их отношениях. Да так сильно, что даже за общий стол не садились. Два года! Это ж надо было так друг друга возненавидеть. И главное – как мне теперь выкрутиться из этой ситуации? Его слова все крутятся в голове, как заевшая пластинка: "Еще ни одна смертница не подыхала у меня в ногах умоляя ее поиметь". Прямо мороз по коже от того, каким тоном он это сказал. Явно ведь что-то затевает, гад такой.

А мне вот совсем не улыбается становиться пешкой в его играх. В прошлой жизни уже нахлебалась подобного по самое не хочу – муженек наигрался в любовь, пока смазливая секретарша не подвернулась. Теперь, значит, снова здорово? Только на этот раз все куда серьезнее. Тут не просто сердечные страдания светят – тут, похоже, вопрос жизни и смерти решается.

И что-то мне подсказывает, что этот черноглазый красавец куда опаснее моего бывшего. Тот хотя бы просто бросил меня – а этот, похоже, может и в самом деле прикончить, если что-то пойдет не так.

Молча прохожу к столу и сажусь. По-хорошему, наверное, стоило бы подождать, пока мне подвинут стул, но то ли здесь это не принято, то ли я просто не заслуживаю такой галантности.

Стол ломится от еды – серебряные блюда с мясом, корзинки с фруктами, какие-то незнакомые деликатесы, от которых исходит умопомрачительный аромат. После целого дня без еды мой живот предательски урчит, да так громко, что я готова провалиться сквозь землю от смущения. Чувствую, как щеки заливают краска.

Рэйв только бровь приподнимает, глядя на мое пунцовое лицо. В его черных глазах мелькает что-то похожее на насмешку, но комментировать он, слава богу, не стал. И на том спасибо – достаточно уже унижений на сегодня.

– Ешь.

Одно короткое слово, но в нем столько властности, что я невольно вздрагиваю. Беру вилку, стараясь унять дрожь в пальцах. Накладываю в тарелку всего понемногу – мясную нарезку, куриную ножку, какой-то незнакомый салат с зеленью. Я чувствую на себе его пристальный, изучающий взгляд, но изо всех сил стараюсь делать вид, что не замечаю этого. Только бы руки не дрожали так заметно.

– Ты очень молчаливая сегодня, – замечает каратель, накладывая себе мясо. В его голосе проскальзывает что-то среднее между насмешкой и подозрением.

Слежу за ним краем глаза, потому что в открытую смотреть боюсь – еще нарвусь на один из этих его пронзительных взглядов, от которых внутри все переворачивается. Хотя даже так, украдкой, невозможно не заметить, как грациозно он двигается. Каждый жест выверен, как у хищника перед прыжком. И эта его грация пугает едва ли не больше, чем открытые угрозы.

– Я очень впечатлилась своей казнью, – бормочу в ответ и тут же запихиваю в рот здоровенный кусок мяса. Чем дольше жую, тем дольше можно молчать. Отличный план!

– Да? – в его голосе столько язвительности, что даже мясо во рту кажется кислым. – Ты ожидала чего-то другого? Красную дорожку до кареты, звуки горна и игристое вино на подносе?

Продолжаю усердно жевать, хотя кусок в горло уже совсем не лезет. Вот зараза, даже поест спокойно не дает! А я ведь целый день голодная. Но как тут проглотить что-нибудь, когда он такие шпильки подпускает? И ведь явно издевается, гад. Видит же, что я от страха едва не подавилась, а все равно продолжает.

Сию, как дура, с набитым ртом, и даже ответить ничего не могу. Хотя, может, оно и к лучшему – кто знает, что я могла бы ляпнуть в ответ на такие подколы? И тогда не пережить мне эту чертову неделю.

С трудом проглатываю кусок мяса и тут же хватаюсь за стакан с водой. Делаю несколько жадных глотков, пытаюсь протолкнуть застрявший в горле ком.

– Я... вообще ничего не ожидала, – бросаю на него усталый взгляд.

И это чистая правда. Я действительно чертовски устала за этот безумный день. Настолько, что хочется просто свернуться калачиком прямо тут, под столом, и проспать до утра. И дело даже не в физической усталости – морально я просто выжата как лимон.

А этот... каратель со своими играми совсем не добавляет бодрости. Только и делает, что давит, дергает, испытывает. То пытается сжечь, то соблазняет, то угрожает. Как будто специально выматывает, чтобы я в конце концов сломалась и наделала ошибок.

– Я наелась. Если вы не против, то пойду.

– Сидеть.

Вздрагиваю от этого холодного приказа. В его голосе столько властности, что тело само по себе замирает. Медленно поворачиваю голову и встречаюсь с его взглядом – черным, как бездонный колодец.

– Десерт, – говорит он все тем же ледяным тоном.

– Благодарю, но я не хочу, – пытаюсь отказаться, хотя уже чувствую, что это бесполезно.

Его губы растягиваются в той самой усмешке, от которой у меня мурашки бегут по спине:

– Это был не вопрос.

Промокод на книгу "Ш.А.Х. и М.А.Т. или иномирянки в дураках" <https://litnet.com/shrt/V6ag-4ijghw7>

15

В животе все сжимается от нехорошего предчувствия. Это явно не про сладости – у него на уме что-то другое. Что-то, что мне точно не понравится. Но выбора нет – приходится сидеть и ждать, что он задумал. А его довольный вид только усиливает тревогу.

Почему-то кажется, что этот "десерт" встанет мне поперек горла. В прямом или переносном смысле – вот это уже вопрос.

Поэтому иди-ка ты к черту, дорогой муж. Ни кусочка в рот не положу!

– А это был не ответ. Я. Сказала. Не хочу. Если тебе так нравится это, жуй сам, – показываю зубы, как загнанная в угол кошка.

И тут происходит что-то странное – мне кажется, или Рэйв действительно расслабляется после моей выходки? Он небрежно кладет руку на подлокотник и умиливается на кулак висок, глядя на меня с каким-то новым интересом.

– Еще раз рыкнешь на меня, отправишься обратно в камеру, – произносит он на удивление ласковым тоном. Настолько ласковым, что вдоль позвоночника пробегают холода.

– Может, лучше сразу? – приподнимаю бровь, удивляясь собственной наглости.

Хотя, если подумать, может и правда лучше? По крайней мере, в камере не придется смотреть на его самодовольную физиономию и гадать, когда он решит снова поиграть в палача. А то мало ли что ему в голову взбредет – в следующий раз, может, даже свидетелей звать не станет. Прикончит по-тихому, и все дела.

Хотя... что-то подсказывает мне, что тихая смерть – это не в его стиле. Слишком уж он любит представления устраивать.

– Хочешь назад в темноту? К крысам?

Невольно морщусь, представив этот мерзкий писк. Господи, да я же с детства грызунов терпеть не могу! Одна мысль о том, что они там шуршат в темноте, вызывает приступ тошноты.

Рэйв мягко смеется, заметив мою реакцию. Берет со стола бокал и делает неторопливый глоток, явно наслаждаясь моим дискомфортом.

– Я пойду, – говорю, поднимаясь со стула.

Вижу, как он уже открывает рот, чтобы возразить, но тут в дверь раздается стук. В столовую входит пожилой мужчина с конвертом в руках. Он молча направляется к Рэйву, который буравит его таким недобрый взглядом, что я невольно съеживаюсь. Однако каратель молчит, позволяя нарушить наш "семейный" ужин.

– Срочное письмо из дворца, господин.

Рэйв коротко кивает и забирает конверт. Посыльный тут же спешно ретируется, явно не горя желанием задерживаться под этим тяжелым взглядом. А я продолжаю стоять, сама не понимая чего жду. Может, разрешения уйти? Или просто любопытно, что там в письме?

Он вскрывает конверт резким движением, разворачивает письмо. Его глаза быстро бегают по строчкам, а между бровей залегает хмурая складка. Что бы там ни было написано, новости явно не из приятных. И почему-то мне кажется, что это как-то связано со мной. В конце концов, в этом мире все неприятности пока что были связаны со мной.

Он наконец откладывает письмо на край стола и мрачно смотрит на меня. Его пальцы нервно барабают по подлокотнику, и от этого звука у меня внутри все сжимается. В повисшей тишине каждый удар отдается в ушах как набат.

– Что? – спрашиваю голосом, внезапно осипшим от страха.

– Странно, – хмыкает он, и в этом коротком звуке столько подозрения, что мне становится не по себе. – Тебе пришло императорское помилование.

Вот это поворот! В голове сразу всплывает образ той роскошной кареты и женщины с удивительной магией, что спасла меня от костра. Неужели это ее рук дело? И что теперь будет? Судя по тому, как потемнело лицо Рэйва, он совсем не рад такому повороту событий.

А я... я даже не знаю, радоваться мне или бояться еще больше. Потому что его взгляд не предвещает ничего хорошего. Такое чувство, что он прямо сейчас придумывает, как обойти это самое помилование.

16

– Я могу идти? – спрашиваю осторожно, боясь спровоцировать его.

– Можешь, – цедит он сквозь зубы, продолжая сверлить меня взглядом. – Но учти, помилование не значит, что ты свободна. Ты все еще моя жена.

От его тона по спине пробегают мурашки. В этих словах явно кроется угроза, но я слишком устала, чтобы сейчас об этом думать. Главное – он меня отпускает. Можно наконец вернуться в свою комнату и попытаться осмыслить все произошедшее.

Разворачиваюсь и иду к двери, чувствуя его тяжелый взгляд между лопаток. Каждый шаг дается с трудом – так и кажется, что он сейчас передумает и прикажет вернуться. Или того хуже – решит, что императорское помилование – недостаточная причина оставить меня в живых.

Но он молчит, и я наконец выскальзываю за дверь. Только в коридоре позволяю себе перевести дух. Помилование... Надо же! Похоже, в этом безумном мире у меня появился неожиданный союзник. Вот только не станет ли эта помощь медвежьей услугой? Судя по реакции Рэйва, он теперь будет еще более подозрительным.

Может, сбежать? Эта мысль вспыхивает в голове как спасительный огонек. Но тут же гаснет – а куда? За пределами этого особняка меня ждут только люди, жаждущие моей крови. Я до сих пор помню эти искаженные ненавистью лица, крики "ведьма!" и проклятия, летящие в мою сторону.

Нет, побег – не вариант.

Да и как далеко я смогу уйти? Без денег, без знания этого мира, в теле женщины, которую, похоже, знает каждая собака в городе. В лучшем случае меня поймают и вернут "любящему" мужу. В худшем... что ж, толпа наверняка будет рада закончить то, что не удалось карателю.

Вздыхаю и продолжаю подниматься по лестнице. Пока что я как муха в паутине – куда ни дернись, только сильнее запутаешься. Остается только ждать и наблюдать. Может быть, со временем я пойму как дальше действовать. Если, конечно, доживу до этого момента.

Хотя одну вещь мне все-таки удалось понять за этот безумный день: Рэйв явно расслабляется, когда я показываю характер. Вот взять хотя бы этот момент с десертом – стоило мне упереться и отказаться, как он буквально обмяк в кресле. Будто именно этого и ждал.

Интересно, в чем тут подвох? Может, ему просто нравится, когда сопротивляются? Или дело в чем-то другом? Ведь явно неспроста он так среагировал. А уж этот тип точно ничего не делает просто так.

Открываю дверь спальни и осторожно вхожу внутрь. Комната выглядит точно так же, как я ее оставила – роскошная и безликая одновременно.

Мой временный приют... или очередная красивая тюрьма? Что ж, по крайней мере здесь нет крыс.

Только собираюсь укладываться, как в дверь раздается стук. Сердце испуганно подскакивает к горлу – первая мысль, конечно, о Рэйве. Но через секунду понимаю, что это не он – стук слишком мягкий, осторожный. Так стучит женская рука.

– Войдите, – произношу достаточно громко, чтобы быть услышанной.

Дверь медленно открывается, и я невольно отшатываюсь. На пороге стоит женщина, и ее лицо... Оно буквально искажено ненавистью, глаза полны такого презрения, что мне становится не по себе. А потом я замечаю то, что она сжимает в своих бледных, дрожащих от напряжения руках – острый серебряный нож.

Промокод на книгу "Сущее проклятие ректора, или Хватит прятаться, адептка Дамнид" <https://litnet.com/shrt/V4nK4yY9WSeP>

17

Женщина бросается на меня без предупреждения – быстро, отчаянно, с каким-то животным рычанием. Я едва успеваю отшатнуться, но лезвие все равно чиркает по щеке, оставляя жгучий след.

– Убийца! – шипит она, снова замахиваясь ножом. – Ты убила мою девочку!

Черт, только не снова! Я уже умирала от удара ножом – это было последнее, что я помню из своей прошлой жизни, и повторять этот опыт совсем не хочется. Инстинкты берут верх, и я перехватываю ее руку прежде, чем она успевает нанести новый удар.

– Стойте! Я не понимаю... – пытаюсь говорить, но она не слушает.

– Заткнись! – ее лицо искажается от ярости. – Ты отняла у меня все! Моя Лили... ей было всего шестнадцать!

Мы сцепляемся в отчаянной борьбе. Она пытается достать меня ножом, я – удержать ее руки. В какой-то момент наши пальцы сплетаются в борьбе за рукоять, и я вижу ее глаза вблизи – в них столько боли и ненависти, что становится жутко.

– Пожалуйста, – хриплю я, чувствуя, как дрожат руки от напряжения. – Я правда не понимаю...

– Конечно, не понимаешь! – она толкает меня к стене, и я больно ударяюсь затылком. – Для тебя это была просто еще одна жертва! Еще одно имя в твоём проклятом списке!

Силы неравны – она явно крепче меня, и нож медленно, но верно приближается к моему горлу. Я чувствую, как по щеке стекает теплая струйка крови, как немеют пальцы от отчаянной попытки удержать лезвие подальше от себя.

– Я не... – начинаю говорить, но она перебивает:

– Ты сдохнешь здесь, ведьма! Как должна была сдохнуть на костре!

Вдруг где-то совсем рядом раздается пронзительный женский крик. В дверях мелькает фигура служанки – той самой, что помогала мне одеваться. Моя противница на миг отвлекается, но хватки не ослабляет.

– Помогите! – кричит служанка. – Лорд Циано! Скорее!

Мы продолжаем бороться, и я уже почти чувствую холодное прикосновение стали к шее, когда что-то резко дергает женщину назад. В нос ударяет знакомый запах – смесь можжевельника и чего-то терпкого.

Только через несколько секунд понимаю – это Рэйв. Одним движением он отрывает ее от меня, выкручивая руку с ножом так, что оружие падает на пол с глухим стуком.

– Милорд! – всхлипывает женщина. – Она должна умереть! Она убила мою...

Договорить она не успевает. Рэйв впечатывает ладонь в ее лоб, и женщина обмякает в его руках, как тряпичная кукла. Он небрежно передает ее подбежавшим слугам, а сам поворачивается ко мне.

Я цепенею. Его глаза... они становятся чернее бездны, затягивают, как водовороты. В них столько ярости, что у меня подкашиваются колени. И почему-то кажется, что эта ярость направлена не только на несостоявшуюся убийцу.

– Почему никто не охраняет эту часть дома? – его голос звучит обманчиво спокойно, но от этого спокойствия мороз пробегает по коже. Вопрос явно адресован не мне – в дверях маячат какие-то фигуры, но все молчат.

– У нее же был нож, – выдавливаю из себя, чувствуя, как по щеке все еще течет кровь. – Откуда у служанки...

– Из кухни, полагаю, – обрывает он меня. Его глаза опасно сужаются. – Ты ведь понимаешь, за что она хотела тебя убить?

В его тоне звучит что-то среднее между насмешкой и угрозой. А я... я действительно не знаю. Не знаю, что сделала настоящая Ригида, почему эта женщина так жаждет мести, и кем была ее дочь Лили.

– Она говорила про свою дочь, – произношу осторожно, пытаюсь понять, правильно ли поступаю, признаваясь в этом.

Рэйв делает еще один шаг ко мне, и я инстинктивно вжимаюсь в стену. От него веет такой опасностью, что хочется сжаться и притвориться, будто ничего этого нет.

Каратель резко поднимает руку, и я инстинктивно жмурюсь, ожидая удара. Сердце пропускает удар, все тело цепенеет... но вместо боли чувствую, как его палец проводит по моей щеке. От неожиданного прикосновения шиплю – рана все еще саднит.

Но через секунду боль исчезает. Удивленно вскидываю руку к щеке, ощупывая место пореза – гладкая кожа, никаких следов от раны. Даже засохшей крови нет.

– Как трогательно, – его голос сочится ядом. – Дрожишь от страха, будто невинная овечка. А сколько их было, Ригида? Сколько таких матерей, чьих детей ты отправила на тот свет?

Промокод на книгу "Добро пожаловать в шкуру злодейки" <https://litnet.com/shrt/VzigikeDbMPV>

18

От его слов внутри все холодеет. Значит, это правда? Настоящая Ригида действительно... убивала детей? При мысли об этом к горлу подкатывает тошнота. В какое же чудовище я вселилась?

А Рэйв продолжает сверлить меня этим своим жутким взглядом, словно пытается прочитать мои мысли.

– Я... – начинаю говорить, но осекаюсь. Что тут скажешь? В голове полная пустота.

– Что "я"? – передразнивает он, внезапно наклоняясь так близко, что я чувствую его дыхание на своем лице. – Язык проглотила?

Его черные глаза буравят меня, словно пытаются просверлить дыру в черепе. В них столько презрения, что становится не по себе.

– Лорд Циано... – раздается от двери неуверенный голос. – Прикажете увести ее?

– Вон! – рывкает он, не оборачиваясь, и я слышу торопливые шаги убегающих слуг.

Мы остаемся одни. Я все еще прижата к стене его близостью, а он, кажется, даже не думает отстраняться.

– Знаешь, что самое забавное? – спрашивает он с какой-то жуткой усмешкой. – То, как ты притворяешься невинной овечкой. Но мы оба знаем, что это не так. И рано или поздно тебе придется ответить за все.

Я молчу, не зная, что сказать. Очевидно, любой мой ответ будет неверным.

– Что ж, – он наконец отстраняется, и я могу вздохнуть свободнее. – Ложись спать. Завтра у нас будет много... интересных тем для разговора.

От того, как он произносит слово "интересных", у меня мурашки бегут по коже.

– И да, – добавляет он уже от двери, – советую запереть дверь. Я-то все равно войду, если захочу.

С этими словами он выходит, оставляя меня одну. Я медленно сползаю по стенке, чувствуя, как дрожат колени.

Кровать манит своей мягкостью, но я все еще не могу заставить себя отойти от стены. В ушах звенит от пережитого страха, а перед глазами стоит искаженное ненавистью лицо той женщины.

Шестнадцать лет... ее дочери было всего шестнадцать. Что же ты натворила, Ригида?

Я обнимаю колени и неотрывно смотрю на дверь, пытаюсь разложить все по полочкам. Итак, что мы имеем? Я застряла в теле женщины, которую, похоже, ненавидят все. И не просто так – судя по словам той служанки и реакции Рэйва, настоящая Ригида убивала людей. Мне не интересно как, но я понимаю, что это нужно выяснить. От одной мысли об этом к горлу подкатывает тошнота.

Меня пытались сжечь на костре, но какая-то принцесса вмешалась. Теперь есть императорское помилование, но легче от этого не становится. Муж, который, кажется, ненавидит меня не меньше остальных, держит в своем доме. Слуги смотрят волком. А где-то в этом же особняке обитает его любовница. Вернее, обитала, пока не свалила в закат.

Что я могу сделать? Бежать некуда – за пределами дома меня ждет разгневанный люд. Да и внутри не лучше – вон, даже служанки с ножами бросаются.

Может, попытаться... как-то искупить вину? Нет, глупости. Я же не знаю, что именно натворила настоящая Ригида. Да и как искупишь убийство ребенка? Бить челом перед каждым встречным, вымаливать прощение? Боюсь, это не для меня. Не мое. Да и насколько такое поведение будет уместно для старой Ригиды?

Рэйв вообще сегодня немного расслабился, когда я показала характер. Может, в этом что-то есть? Не строить из себя кающуюся грешницу, а вести себя... нормально? Естественно?

Только вот что для Ригиды считается нормальным? И как не переборщить с этой "естественностью", чтобы не оказаться снова на костре?

Чувствую себя канатоходцем без страховки. Один неверный шаг – и все. А я даже не знаю, в какую сторону этот канат натянут.

19

Дождавшись, когда дом погрузится в глубокую ночную тишину, я все-таки решаюсь на маленькую разведку. Выскальзываю из комнаты, стараясь не скрипеть дверью. В коридоре темно – только лунный свет проникает через высокие окна, рисуя причудливые узоры на полу.

Чувствую себя воришкой, пробираясь на цыпочках по этому огромному дому. Каждый шаг отдается в ушах громким стуком, хотя я точно знаю, что ступаю почти бесшумно. Сердце колотится где-то в горле – кажется, что из любого угла может выскочить очередная служанка с ножом.

Лестница предательски поскрипывает под ногами. Замираю после каждого шага, прислушиваясь к тишине, но в доме ни звука – похоже, все действительно спят. Или делают вид.

Добравшись до первого этажа, крадусь к входной двери. Нет, я не собираюсь сбегать – просто хочу понять, насколько я здесь пленница. Дверь находится легко – массивная, с красивой бронзовой ручкой. Задвижной замок поддается на удивление легко.

"Слишком легко", – мелькает предательская мысль, но я уже берусь за ручку и...

Яркая вспышка света бьет по глазам, а следом раздается пронзительный звук, от которого, кажется, звенят все стекла в доме. Я отпатываюсь, зажимая уши руками, и в этот момент в холле материализуется Рэйв.

Он появляется так внезапно, словно соткался из воздуха. На нем только штаны, и в лунном свете его обнаженный торс кажется высеченным из мрамора. Но больше всего пугает его ухмылка – насмешливая и опасная одновременно.

– Решила прогуляться? – интересуется он с издевкой в голосе. – Или просто проверяла, насколько крепко спят слуги?

От его тона по спине бегут мурашки. Как же глупо! Конечно, он предусмотрел такой вариант. Наверняка специально оставил дверь незапертой – проверял, попытаюсь ли я сбежать.

И я, как последняя дура, попала в эту ловушку.

– Я просто хотела подышать свежим воздухом, – говорю, вздергивая подбородок и стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Рэйв окидывает меня насмешливым взглядом и делает шаг ближе. В темноте его глаза кажутся просто черными провалами.

– В три часа ночи? – его голос сочится сарказмом. – В одной сорочке? Какая... самоотверженная забота о здоровье.

Я невольно опускаю глаза и понимаю, что действительно стою перед ним в одной тонкой ночной сорочке. Щеки начинают гореть от смущения.

– Знаешь, – он небрежно опирается о стену, скрестив руки на груди, – если уж врешь, постарайся придумать что-нибудь более убедительное. "Подышать воздухом" – это даже для тебя слишком примитивно.

– А что, подышать воздухом, пусть и в сорочке, теперь запрещено? – огрызаюсь я, хотя понимаю, что это глупо.

– Нет, – его усмешка становится шире. – Но обычно для этого не пытаются тайком открыть входную дверь посреди ночи. Есть такая чудесная вещь – окно. Но ты, конечно, об этом не подумала.

От его издевательского тона внутри все кипит. Особенно бесит то, что он прав – история про свежий воздух звучит откровенно жалко. Но не признаваться же, что я просто хотела проверить пути отступления?

– Возвращайся в постель, – вдруг говорит он уже без насмешки. – И даже не думай повторять такие... прогулки. В следующий раз сигнализация может сработать иначе.

От его тона становится не по себе. Что значит "иначе"? И главное – почему он так спокойно реагирует на мою попытку побега?

Разворачиваюсь и иду к лестнице, чувствуя его взгляд между лопаток. Щеки все еще горят от стыда за нелепую ложь, а в голове крутится мысль – он ведь специально это подстроил. Ведь даже охраны в доме нет. Он проверял меня. И я провалила проверку по всем статьям.

20

В комнате я забралась под одеяло и уложила голову на подушку. Взгляд уперся в окно, за которым уже начали сгущаться сумерки. Невольно мысли потянулись к воспоминаниям о прошлой жизни – такой обычной и спокойной, что сейчас она казалась почти нереальной.

До того рокового вечера в переулке я была обычным офисным работником. Каждое утро начиналось одинаково: будильник в семь, быстрый душ, чашка растворимого кофе (после которого вечно оставался ожог на запястье – я постоянно проливала кипяток, пытаясь одновременно краситься и завтракать). Потом маршрутка до работы, набитая хмурыми сонными людьми.

В офисе я занимала скромную должность секретаря – ничего особенного, просто бумажная работа, звонки и вечное "принесите кофе" от начальства. Но мне нравилось. Было что-то успокаивающее в монотонности этих дней, в шелесте бумаг и жужжании принтера.

А потом случился тот день, когда я вернулась домой раньше обычного. Головная боль, из-за которой начальник отпустил меня пораньше, показалась благословением – пока я не открыла дверь спальни. Муж даже не потрудился запереться. Просто... развлекался со своей новой секретаршей прямо на нашей супружеской кровати.

После этого жизнь разделилась на "до" и "после". Я молча собрала вещи и ушла, оставив им квартиру, машину и всю прошлую жизнь. Сняла крошечную студию на окраине города, с видом на стройку и вечно орущими по ночам котами под окном. Но даже это было лучше, чем оставаться там, где каждая вещь напоминала о предательстве.

И вот теперь, после той роковой встречи с грабителем в переулке, я оказалась здесь. В теле женщины, которую, похоже, ненавидит весь город. С мужем-карателем, который то пытается меня убить, то соблазняет – и я даже не уверена, что хуже. В мире, где существует магия, но пользоваться ею, видимо, запрещено. И самое забавное – это все равно кажется менее болезненным, чем тот момент с застуканной изменой.

С этими воспоминаниями и мыслями я забылась глубоким сном. Но кажется, только сомкнула глаза, как в дверь настойчиво постучали.

– Да? – хрипло отозвалась я, растирая заспанное лицо.

Дверь открылась и на пороге появилась вчерашняя служанка – молодая женщина с вечно встревоженным выражением лица. Она нервно теребила рукав форменного платья, явно чувствуя себя неуютно в моем присутствии.

– Госпожа, – ее голос дрожал, словно она боялась, что я наброшусь на нее прямо сейчас. – Господин приказал срочно готовиться к отъезду. Вы с господином Карателем едете в императорский дворец.

Я приподняла бровь:

– Прямо сейчас?

– Да, госпожа. Времени очень мало.

Она суетливо подошла к шкафу и начала доставать какие-то наряды. Я молча наблюдала, как она раскладывает на кровати утреннее платье – нежно-голубое, с серебряной вышивкой по подолу. Красивое, но наверняка такое же неудобное, как и все, что носят в этом мире.

– Позвольте помочь вам одеться, – пробормотала служанка, старательно избегая смотреть мне в глаза.

Процесс одевания оказался сущим кошмаром – столько слоев ткани, шнуровок и застежек, что я окончательно убедилась в своей неприспособленности к местной моде. Служанка затянула корсет, уложила волосы в какую-то замысловатую прическу и даже попыталась нанести макияж, хотя ее руки дрожали так сильно, что я испугалась за сохранность своих глаз.

Пока она собирала небольшой сундук с вещами, я разглядывала себя в зеркале. Надо признать, результат впечатлял – из зеркала на меня смотрела настоящая аристократка. Только вот взгляд выдавал – слишком растерянный для той, кто должен быть привычен к такой роскоши.

– Все готово, госпожа, – пробормотала служанка, закрывая сундук. – Карета уже ждет внизу.

Я усмехнулась.

Карета. Конечно, какие тут могут быть автомобили? Хотя это даже забавно – словно в сказку попала. Правда, судя по вчерашним событиям, сказка больше похожа на фильм ужасов.

21

Служанка распахнула дверь, и я невольно отшатнулась — на пороге стояли двое мужчин в черной форме. Те самые, что вчера собирали костер для моей казни. И тушили его, когда пламя отказалось меня принимать. От одного их вида к горлу подкатила тошнота.

– Вещи госпожи готовы, – пискнула служанка, указывая на сундук.

Мужчины синхронно кивнули и молча подняли поклажу. В их движениях чувствовалась какая-то механическая четкость, словно они были не людьми, а хорошо смазанными механизмами.

– Госпожа, нам пора, – служанка нервно теребила передник. – Лорд Циано не любит ждать.

– Да-да, конечно, – пробормотала я, наблюдая, как мои «палачи» удаляются по коридору с сундуком.

Спускаясь по лестнице, я невольно отметила странное оживление в доме. Слуги сновали туда-сюда с озабоченными лицами, кто-то тащил какие-то свертки, кто-то суетливо протирал и без того чистые перила. Казалось, весь дом пришел в движение, как разворошенный муравейник.

У выхода я на секунду замешкалась. За дверью ждал внешний мир — тот самый, что вчера жаждал моей крови. Но отступать было некуда.

Толкнув тяжелую дверь, я вышла на крыльцо и сразу же увидела его. Рэйв стоял возле богато украшенной кареты и хмуро выговаривал что-то очередному человеку в форме. Его черные волосы трепал утренний ветер, а в позе чувствовалось плохо скрываемое раздражение.

Сердце предательски екнуло, и я мысленно выругалась. Нет уж, хватит! Это всего лишь реакция тела прежней Ригиды — глупая химия и мышечная память. Я не позволю этому телу диктовать мне чувства. Особенно к человеку, который еще вчера пытался меня сжечь.

Расправив плечи, я направилась к карете, стараясь держаться с тем же достоинством, которое вчера демонстрировала принцесса. Наверное, получалось не очень хорошо — длинное платье так и норовило запутаться в ногах.

Подойдя к карете, я невольно напряглась под тяжелым взглядом карателя. Он окинул меня взглядом с головы до пят, словно оценивая, не слишком ли откровенно я одета, а потом вдруг протянул руку.

Я замерла, тупо уставившись на его ладонь. В голове пронеслась паническая карусель мыслей — что это? Очередная проверка? Может, схватит и утащит на новую казнь? Или просто руку сломает? С него станется.

Заметив мое замешательство, Рэйв растянул губы в той самой раздражающей ухмылке, от которой у меня мурашки бежали по спине.

– Расслабься, – хмыкнул он. – На твою шкуру пока распространяется императорское помилование. По крайней мере, до тех пор, пока ты снова кого-нибудь не убила, – он сделал многозначительную паузу. – Так что будь добра, протяни руку и послушно усади свою пятую точку в карету.

«Пятую точку?» — возмутилась я про себя. Хотя, если подумать, это даже мило по сравнению с тем, как он обычно со мной разговаривает. Однако это прогресс.

Стараясь не показывать, как дрожат мои конечности, я вложила руку в его ладонь. Его пальцы тут же сомкнулись — не до боли, но достаточно крепко, чтобы я поняла: сбежать не получится. Впрочем, я и не собиралась. Пока что.

Карета тронулась, мягко покачиваясь на неровностях дороги. Цокот копыт отдавался в голове ритмичным стуком, почти убаюкивая. Почти — если бы не тяжелый взгляд Рэйва напротив.

Он сидел, небрежно откинувшись на спинку сиденья, и внимательно меня разглядывал. Вроде бы просто смотрел на узоры на платье, но от этого взгляда все равно было не по себе. Как будто препарировал глазами, слой за слоем.

В памяти внезапно всплыли его вчерашние слова: «Странно, раньше я не замечал, какая ты красивая». Что он имел в виду? Ригида и правда была красива — я успела это заметить, разглядывая свое новое отражение в зеркале. Как можно было не замечать такую красоту два года?

А может... может, дело не во внешности? Вдруг он каким-то образом чувствует изменения? Замечает, что в теле его жены теперь другой человек? От этой мысли по спине пробежал холодок. Хотя нет, это бред какой-то. Если бы он догадывался, что я не настоящая Ригида, вряд ли стал бы возить меня во дворец. Скорее, сразу прикончил бы, не дожидаясь нового костра.

Я украдкой взглянула на его лицо. Он все еще смотрел на меня со странным выражением, словно пытался разгадать сложную головоломку. В его черных глазах плескалось нечто среднее между подозрением и интересом.

— Еще не возникло желания просить меня исполнить супружеский долг? — губы карателя растянулись в улыбке, которую мне захотелось стереть кирпичом.

22

От его слов я едва не поперхнулась воздухом. И ведь не скажешь, что он не прав – тело Ригиды определенно реагировало на него странно. Даже сейчас, когда он сидел напротив с этой своей раздражающей ухмылкой, внутри что-то предательски екало. Но я-то не Ригида. И уж точно не собираюсь поддаваться этим непонятным позывам.

– Благодарю, но пока воздержусь, – ответила я максимально сухо. – Знаете ли, после вчерашних попыток сжечь меня заживо как-то не тянет на... супружескую близость.

Его усмешка стала шире, а в глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение. Станный тип – ему что, нравится, когда с ним огрызаются? Хотя, учитывая его положение, может, все обычно трясутся от страха и поддакивают. А тут вдруг такое разнообразие.

– А ведь раньше тебя это не останавливало, – протянул он с издевкой. – Помнится, даже после того, как я застал тебя с тем молодым лакеем, ты пыталась меня соблазнить.

Я замерла. Так-так-так, что тут у нас? Получается, Ригида не только убивала людей, но еще и изменяла мужу? С каким-то лакеем? И при этом пыталась... Боже, в кого я попала?

– Видимо, я стала мудрее, – пробормотала я, отворачиваясь к окну. За стеклом проплывали аккуратные городские домики, но сейчас мне было не до красот архитектуры.

Рэйв хмыкнул:

– Или трусливее.

– Предпочитаю термин "благоразумнее", – парировала я, продолжая смотреть в окно. – К тому же, вы сами сказали – действует помилование. Было бы глупо так быстро его лишиться.

– И поэтому ты пытаешься сбежать по ночам?

Я все-таки повернулась к нему. В его взгляде читалось откровенное веселье – похоже, моя ночная вылазка его всерьез позабавила.

– Это была проверка периметра, – ляпнула я первое, что пришло в голову.

– Периметра? – он приподнял бровь. – В ночной сорочке?

– А что такого? – я пожала плечами с деланным равнодушием. – Прохладная ткань, удобная длина... Идеально для ночных рекогносцировок.

Кажется, я перегнула палку с сарказмом – его глаза опасно сузились. Но отступить было поздно, да и как-то не хотелось. В конце концов, если он хочет поиграть в словесные пикировки, почему бы и нет? Все лучше, чем трястись от страха.

– Рекогносцировок? – Рэйв подался вперед, и в карете вдруг стало очень тесно. – Какое... интересное слово. Раньше ты таких не знала.

Черт. Я мысленно дала себе подзатыльник – надо следить за речью. Ригида же была местной аристократкой, вряд ли она использовала термины из военных учебников. А я вот поработала одно время с отставным полковником и нахваталась всякого.

– Много читаю в последнее время, – пробормотала я, стараясь не выдать замешательства.

– Да? И что же? – в его голосе появились опасные нотки. – Поделишься списком литературы?

– Боюсь, вам будет неинтересно, – я старательно изобразила светскую улыбку. – Сплошные романы о неразделенной любви и страданиях юных дев.

Каратель откинулся на спинку сиденья, не сводя с меня пристального взгляда.

– А как же книги по военному делу? Судя по твоему словарному запасу...

– Ох, ну знаете, – перебила я его, чувствуя, что разговор заходит на опасную территорию, – иногда даже в любовных романах проскакивает что-то... военное. Особенно когда героиня влюбляется в brave генерала.

Я думала, он разозлится за такую откровенную попытку увести разговор в сторону, но Рэйв неожиданно рассмеялся. Правда, смех был не слишком веселым – скорее, похожим на рычание.

– Бравого генерала, значит? – он прищурился. – И часто ты мечтаешь о бравых генералах, дорогая супруга?

– Нет, что вы, – я невинно хлопнула ресницами. – После того лакея предпочитаю караты... в смысле, карателей!

"Господи, да что я несу?" – мысленно взвыла я, глядя, как его лицо каменеет. – "Совсем мозги набекрень, раз решила с ним флиртовать? Он же вчера меня убить пытался!"

Но Рэйв снова удивил – вместо того чтобы разозлиться, он окинул меня таким оценивающим взглядом, что я почувствовала, как щеки заливают краска.

– Интересно, – протянул он задумчиво. – Очень интересно.

И от того, как он это сказал, мне вдруг стало не по себе. Кажется, я только что сделала что-то не то. Или наоборот, именно то? С этим человеком никогда не угадаешь.

23

Карета остановилась у высоких кованых ворот императорского дворца. Я невольно приоткрыла рот, разглядывая это чудо архитектуры – белоснежное здание, похожее на причудливый торт, украшенный золотыми шпильями и витражными окнами. Солнечные лучи играли на мраморных колоннах, превращая их в произведения искусства. Даже воздух здесь, казалось, был пропитан роскошью и величием.

Рэйв спустился первым и протянул мне руку. На этот раз я не колебалась – репетиция в начале пути пошла на пользу. Его пальцы были теплыми и неожиданно осторожными, когда он помог мне выбраться из кареты.

К нам тут же подошел высокий мужчина в форме карателей – такой же черной, как у Рэйва, но с дополнительными серебряными нашивками на воротнике. Он коротко поклонился: – Лорд Циано, госпожа, прошу следовать за мной.

Мы двинулись через анфиладу роскошных залов. Я старалась не вертеть головой по сторонам, хотя это требовало немалых усилий – каждая комната была прекраснее предыдущей. Расписные потолки, хрустальные люстры, гобелены с какими-то батальными сценами.

Наконец, нас привели в огромный кабинет. Помещение было размером с танцевальный зал, но обставлено строго и со вкусом – массивный стол из темного дерева, книжные шкафы до потолка, пара кожаных кресел у камина. Правда, складывалось впечатление, что хозяин здесь времени не проводит совсем.

– Его императорское величество прибудет через несколько минут, – сообщил наш провожатый и бесшумно удалился.

Я нервно покосилась на Рэйва:

– Что происходит?

Он ответил мне таким хмурым взглядом, что стало ясно – он и сам не в курсе. А это, пожалуй, пугало больше всего. Если уж главный каратель не знает, зачем нас вызвали во дворец...

Внезапно вспомнилось вчерашнее помилование. Может, император хочет лично убедиться, что я его заслуживаю? От этой мысли внутри все сжалось. Я ведь даже не знаю, за что именно казнили Ригиду. Как прикажете оправдываться?

Двери кабинета распахнулись, и у меня перехватило дыхание. В комнату буквально втекла сама власть, облаченная в человеческую форму. Император был... совершенен. Другого слова и не подберешь. Высокий, стройный, с идеальной военной выправкой и точеными чертами лица.

Его серые глаза цвета предгрозового неба казались бездонными, и когда этот взгляд скользнул по мне, я почувствовала себя бабочкой под микроскопом. Золотистые волосы были уложены в какую-то сложную прическу, которую венчала изящная корона – тонкая, но от этого не менее величественная. Солнечные лучи, падающие из высоких окон, играли на золотых прядях и драгоценных камнях, создавая вокруг его головы что-то вроде нимба.

От него буквально волнами исходила аура могущества. Рядом с ним даже Рэйв, которого я считала довольно внушительным, казался просто... обычным. Как тигр рядом с драконом – вроде тоже хищник, но совсем другого уровня.

Рэйв склонился в глубоком поклоне: – Ваше императорское величество.

Я же... просто кивнула. Неловко, совершенно неуместно в такой ситуации, но что поделать – реверансы в моем прошлом офисном опыте как-то не требовались. Краем глаза заметила, как Рэйв метнул в мою сторону тяжелый взгляд. Ну да, наверное, жена главного карателя должна лучше разбираться в придворном этикете. Но император, к моему удивлению, только мягко улыбнулся.

Он неторопливо опустился в кресло у стола, поставил локоть на резной подлокотник и устроил подбородок на пальцах – жест получился настолько изящным, что я почувствовала укол зависти. Даже в такой расслабленной позе он умудрялся выглядеть величественно.

– Как дела на службе, Рэйв? – поинтересовался император таким тоном, будто спрашивал старого друга о делах за чашкой чая. – Говорят, в последнее время участились случаи незаконного использования магии?

– Да, ваше величество, – каратель чуть нахмурился. – За последний месяц мы выявили три крупных случая. Два в столице, один в южных провинциях.

– И как справляетесь?

– Виновные найдены и наказаны, – в голосе Рэйва прозвучали стальные нотки. – В южных провинциях пришлось усилить патрули.

Я старалась не вздрагивать при слове "наказаны", хотя внутри все сжималось. Интересно, их тоже... на костер? Или есть другие варианты? Хотя нет, лучше не думать об этом. Совсем не хочется знать подробности работы главного карателя.

– Отличная работа, Рэйв, – император чуть наклонил голову. – Хотя... – в его голосе появились насмешливые нотки, – меня несколько удивляет, как главный каратель умудрился проморгнуть смерть собственной жены?

Я почувствовала, как внутри все обрывается. Смерть? В смысле – смерть? О чем он вообще говорит?

Рэйв медленно повернул голову в мою сторону. Его взгляд был тяжелым, как свинец, и таким пронизывающим, словно он пытался просверлить во мне дыру. В черных глазах плескалось что-то среднее между яростью и... пониманием?

24

А я просто застыла, как кролик перед удавом. В голове билась только одна паническая мысль: "Он знает. Они оба знают". Теперь понятно, почему император так снисходительно отнесся к моему корявому приветствию – он прекрасно понимал, что я понятия не имею, как делать реверанс.

Интересно, если сейчас грохнуться в обморок, это хоть немного оттянет неизбежную расправу? Хотя... судя по тому, как потемнело лицо Рэйва, даже потеря сознания меня не спасет.

Ну здравствуй, костер, кажется, мы снова встретимся. И на этот раз никакая принцесса не поможет.

Рэйв еще несколько секунд сверлил меня взглядом, словно видел какое-то диковинное существо. Я почти физически ощущала, как в его голове щелкают шестеренки, складывая воедино все странности моего поведения. Наконец, он медленно повернулся к императору:

– Позвольте поинтересоваться, ваше величество, с чего вы сделали такой вывод? – его голос звучал подчеркнуто вежливо, но я-то уже научилась различать эти интонации. Он не спрашивал – он требовал объясн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.